РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

РИЖСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ ✦ ЛОМОНОСОВСКАЯ

1878

СЕНТЯБРЬ

Пед. Ин-т им. Герцена
Журнальный
ф[illegible]
3510

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О РУССКИХЪ ВЪ КУЛЬДЖѢ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ. Рукопись инока Парѳенія, сообщенная Д. Ѳ. Касицынымъ.

II. ОБЫЧАИ КИРГИЗОВЪ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ. II.

III. ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе. И. П.

IV. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. Романъ. Часть пятая. Гл. I—VIII. В. Г. Авсѣенка.

V. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. X. (1810—1813).

VI. ПИСЬМА СЪ ПОХОДА. (Румынія.—Тырново.—Первый Забалканскій походъ.) Князя А. Н. Церетелева.

VII. КАМЕНЬ СИЗИФА. Гл. XXIV—XXV. К. Н. Леонтьева.

VIII. ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ДЕРЕВНѢ. Воспоминанія и очерки прошлаго. Гл. I—VI. Е. В. Пяткиной.

IX. ЛОРДЪ БЕКОНСФИЛЬДЪ КАКЪ ЛИТЕРАТОРЪ. И. Н. Павлова.

X. ИЗЪ ИСТОРІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА. Н. А. Любимова.

XI. НЕ ИЗЛИШНЕ НѢЧТО И КРОМѢ ТОЧНОСТИ. По поводу отвѣта г. Бунге. X.

XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

XIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
На Страстномъ Бульварѣ
1878

ОБЫЧАИ КИРГИЗОВЪ

СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

I. Свадебные обряды.

Киргизскія дѣвушки пользуются несравненно большею свободой чѣмъ Татарки, хотя считаются магометанскаго вѣроисповѣданія; онѣ показываются въ народѣ съ открытымъ лицомъ, и при весеннихъ перекочевкахъ и различныхъ праздникахъ участвуютъ въ играхъ съ молодежью.

У Киргизовъ, по обычаю, ночью караулятъ барановъ дѣвушки. Днемъ пастьба барановъ считается черною работой; ее исполняютъ работники и только въ наказаніе посылаетъ Киргизъ жену или дочь пасти барановъ. Сколько случалось слышать жалобъ отъ женщинъ на мужей: „Онъ меня худо содержитъ, заставляетъ днемъ пасти барановъ“.

Дѣйствительно, днемъ пасти барановъ тяжелая работа, особенно въ горахъ, такъ какъ они забираются на кручи, и пасущій ѣздитъ за ними по карнизамъ и осыпямъ на быкѣ или лошади. Ночью бараны лежатъ и все дѣло заключается въ томъ чтобъ оберегать ихъ отъ звѣря. Дѣвушки собираются со всего аула, къ нимъ присоединяются молодые люди и выходятъ тѣ же казачьи вечорки или крестьянскія посидѣлки,

съ тою только разницей что собирается молодежь на всю ночь до свѣта и не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ. Играютъ на *домбрѣ* (двухструнная балалайка), на *сыбызгѣ* (киргизская флейта), поютъ пѣсни. Полная свобода, чарующая прелесть благоуханныхъ ночей, могучая красота и роскошь окружающей природы располагаютъ къ любви, и любятъ они какъ истыя дѣти природы.

На близкія отношенія между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой смотрятъ весьма снисходительно; лишь бы она не имѣла дѣтей; для этого Киргизки льютъ чай изъ трехъ травъ, одну изъ нихъ онѣ называютъ „кызылъ-ча“, двухъ другихъ не знаю; этимъ чаемъ изгоняютъ плодъ въ самомъ началѣ; другое условіе чтобы дѣвушка не сошлась съ парнемъ другаго аула или, что уже считается позорнымъ для всей одноаульной съ дѣвушкой молодежи, не полюбила молодаго человѣка изъ другой волости, то-есть изъ другаго рода. Тутъ подымается уже серіозная месть, нерѣдко кончающаяся убійствомъ.

Но насколько киргизская дѣвушка пользуется свободою сердечныхъ влеченій настолько же она была угнетена до послѣдняго времени законнымъ бракомъ; ее просватывали часто еще въ зыбкѣ и по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, по закону шестнадцати, по обычаю тринадцати, когда отецъ жениха или самъ женихъ уплатитъ часть *калыма*, (платы за дѣвушку), половину или $^2/_3$, ее выдавали замужъ.

Такъ какъ Киргизы не допускаютъ браковъ между родичами, то невѣсту берутъ всегда изъ другой волости, изъ другаго рода; иногда верстъ за 700 и болѣе, и до офиціальнаго пріѣзда жениха на свиданіе съ невѣстой, равносильнаго нашей свадьбѣ, съ тою впрочемъ разницей что онъ не увозитъ ее еще въ свой домъ, невѣста и женихъ знаютъ другъ друга только по слухамъ.

Положеніемъ 1868 года Киргизкамъ дано право, если онѣ просватаны были въ дѣтствѣ, не выходить за своихъ женихов. Родители обязаны уплатить обратно жениху полученный калымъ и кромѣ того, не по русскому уже закону, а по киргизскому обычаю, штрафъ, *девятку отъ верблюда* то-есть девять головъ скота, начиная отъ верблюда и кончая двухъгодовою коровой. Этотъ штрафъ платитъ отецъ невѣсты за то что не сдержалъ слова. Положеніемъ 1868 года запрещено выдавать замужъ ранѣе шестнадцати лѣтъ. Киргизы очень долго

скрывали отъ женщинъ этотъ законъ и только послѣ настоятельныхъ требованій начальства онъ былъ обнародованъ.

Обнародованіе этого указа произвело громадный эффектъ: на первый же затѣмъ волостной съѣздъ въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, явилось къ уѣздному начальнику одиннадцать дѣвицъ съ заявленіемъ что не идутъ за просватанныхъ женіховъ.

Если положеніе дѣвушки до 1868 года было печально, такъ какъ ее запродавали какъ вещь и отдавали купившему ее безъ малѣйшаго вниманія къ ея личному желанію, то положеніе вдовы было поистинѣ ужасно. Семья или родъ заплатившіе за дѣвушку калымъ ни въ какомъ случаѣ не выпускали ее изъ своей власти. По смерти мужа наслѣдовали все имѣніе дѣти или ближайшіе родственники его, женѣ не давалось ничего и она какъ раба или вещь переходила „аменгеру“ (претенденту послѣ мужа). Если у покойнаго были братья, то старшему по немъ брату,—умиралъ этотъ слѣдующему, нѣтъ братьевъ старшему дядѣ, и т. д., не принимая въ соображеніе что иному дядѣ за шестьдесятъ лѣтъ, а иногда старшій послѣ умершаго брата остается лѣтъ шестисеми. Черезъ годъ послѣ смерти, если аменгеръ вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ (по киргизскому обычаю четырнадцати лѣтъ) онъ входитъ въ юрту вдовы, ставитъ баканъ подъ чанаракъ * и съ этой минуты вступаетъ въ права мужа и господина. И теперь, разумѣется, это еще дѣлается, но если аменгеръ слишкомъ не по сердцу вдовѣ, она прибѣгаетъ къ покровительству русскихъ законовъ и ее освобождаютъ отъ насильнаго брака.

Мнѣ случилось видѣть хорошенькую, девятнадцатилѣтнюю женщину, овдовѣвшую въ первый годъ своего замужества и въ тотъ же годъ уже просватанную за четырнадцатилѣтняго

---

* *Чанаракъ* деревянный кругъ составляющій верхушку юрты, въ немъ прорѣзы въ которые вставляютъ *ууки*, выгнутыя, плоскія, деревянныя палки, составляющія сводъ юрты. Ууки вставляютъ однимъ концомъ въ чанаракъ, другимъ привязываютъ арканами къ кереге,—кереге складная, деревянная рѣшетка, составляющая стѣны юрты. чанаракъ, ууки и кереге составляютъ основаніе юрты на которое натягиваются *кошмы* (войлокъ). *Баканъ* толстая, аршина въ четыре жердь съ раздвоеннымъ концомъ, въ видѣ короткой вилы съ тупыми концами; баканомъ поддерживаютъ чанаракъ въ то время какъ ставятъ юрту.

брата покойнаго ея мужа. Черезъ годъ онъ долженъ былъ взять ее въ жены. Этотъ бракъ устраивался по добровольному соглашенію и желанію обѣихъ сторонъ; но за то въ это же время и изъ этой же семьи другая молодая вдова, просватанная за семилѣтняго брата покойнаго мужа, убѣжала съ молодымъ человѣкомъ, вѣроятно не желая дожидаться пока выростетъ ея будущій супругъ. Бѣжавшихъ поймали и надо было много такта со стороны русскаго начальства чтобы предотвратить мщеніе обиженной стороны и отстоять права молодой женщины.

Убѣдившись что законъ не даетъ права, какъ бывало, силой оставить вдову у себя въ семьѣ, родственники покойнаго мужа стали предлагать различные компромиссы. По киргизскимъ обычаямъ на эту вдову первый послѣ семилѣтняго „аменгера“ имѣлъ права шестидесятилѣтній дядя покойнаго; дядя этотъ отказался и замѣнить собою семилѣтняго жениха предложилъ другой дядя лѣтъ пятидесяти, женатый и имѣющій женатыхъ сыновей и внучатъ. Послѣ долгихъ переговоровъ сговорились наконецъ на томъ что молодая женщина можетъ выходить замужъ за кого хочетъ, но только не за обидчика, который смертельно оскорбилъ весь родъ, укравъ ее.

Чтобъ имѣть право на разводъ Киргизка должна убѣжать отъ мужа *три раза*; послѣ третьяго побѣга и если народъ заявитъ что мужъ съ нею дурно обращался, ей могутъ дать разводную, или если будетъ доказано свидѣтелями что мужъ выгналъ жену отъ себя и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не кормилъ.

На томъ же волостномъ съѣздѣ Усть-Каменогорскаго уѣзда, на которомъ одиннадцать дѣвицъ отказались отъ своихъ жениховъ, сосватанныхъ имъ когда онѣ были еще въ колыбели, разбиралось дѣло одной женщины: мужъ выгналъ ее за четыре года до того безо всякой съ ея стороны вины и въ теченіе четырехъ лѣтъ, пока она жила по найму въ работницахъ, и знать ее не хотѣлъ; но какъ только къ ней посватался богатый Киргизъ, супругъ заявилъ свои права и сталъ требовать жену къ себѣ.

Она сама явилась на съѣздъ и съ помощью свидѣтелей отстояла свое дѣло; съѣздъ рѣшилъ въ ея пользу.

Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ. Желающій

засватать за своего сына дочь извѣстнаго лица отправляетъ къ нему своего родственника или уважаемаго въ ихъ средѣ человѣка называемаго „джаучи“ предварительно спросить: „желаетъ ли такой-то отдать свою дочь за его сына“.

Садясь на коня „джаучи“ съ одной ноги залускаетъ чембары за голенища салога, а съ другой выпускаетъ на салогъ: примѣта—чтобъ отецъ засватываемой невѣсты былъ снисходительнѣе и не отказался отъ предлагаемаго родства. Пріѣхавъ къ нему въ аулъ, „джаучи“ входитъ въ юрту, обмѣнивается привѣтствіями и объявляетъ о цѣли своего пріѣзда.

Если отецъ невѣсты согласенъ, то говоритъ; „Пусть пожалуютъ большіе сваты для заключенія окончательнаго условія“. Затѣмъ колетъ барана, угощаетъ „джаучи“ и назначаетъ день для пріѣзда большихъ сватовъ; большею частію въ среду или четвергъ, такъ какъ эти дни считаются счастливыми.

Въ назначенный день отецъ будущаго жениха, а если нѣтъ отца, то дядя или другой самый близкій родственникъ, въ сопровожденіи родныхъ и близкихъ знакомыхъ, въ числѣ отъ пяти до пятнадцати человѣкъ, смотря по средствамъ жениха, отправляется въ аулъ невѣсты. Этихъ провожатыхъ называютъ „джанъ-аширъ“. Одѣваются они въ лучшее платье и ѣдутъ на хорошихъ, богато-убранныхъ лошадяхъ. Въ аулѣ невѣсты тоже дѣлаются приготовленія для встрѣчи „большихъ сватовъ“; родные невѣсты одѣваются въ лучшее платье и выставляютъ парадную юрту. Большая юрта бываетъ сажени три въ діаметрѣ; весь полъ, то-есть земля, устилается сначала кошмами (если юрта поставлена не на лугу, то на землю подъ кошмы кладутъ толстый слой травы), поверхъ кошемъ разстилаютъ ковры; кереге заставляютъ снаружи *чіемъ*, родъ ширмы сдѣланной изъ *чія*, (Lasiagrostis splendens); ширма эта дѣлается въ вышину кереге, палочки *чія* совершенно плотно сложенныя перевиваются сплошнымъ узоромъ разноцвѣтнымъ гарусомъ. Гарусъ для этого приготовляется и окрашивается въ различные цвѣта Киргизками. Внутри юрты кереге закрывается коврами и *такиметями* (коврами вышитыми по сукну или полубархату вырѣзанными накладными узорами изъ того же матеріала; ихъ вышиваютъ Киргизки). Верхъ, то-есть сводъ юрты, убирается сплошными вышивками. Иногда подъ чанаракъ вѣшаютъ родъ балдахина. Посрединѣ юрты или въ глубинѣ ея противъ двери (эта часть считается, въ родѣ нашего передняго угла, самымъ почетнымъ

мѣстомъ) ставятъ круглый столикъ въ четверть вышины, его покрываютъ скатертью вышитою по бѣлой бязи; кругомъ кладутъ курпе (шелковые простеганные одѣяла), или ставятъ небольшіе сундуки и накрываютъ ихъ этими же курпе. На правой сторонѣ стоитъ за занавѣсомъ, большею частію шелковымъ, кровать; покрывала на постеляхъ роскошныя, парчевыя, изъ манлыка (китайская шелковая матерія, затканная золотомъ и разноцвѣтными шелками), или бухарскія, вышитыя по сукну. Около двери ставятъ рукомойникъ состоящій изъ мѣднаго таза и кунгана. Концы полотенецъ богато расшиты разноцвѣтными шелками или гарусомъ; между вышивками вшиваютъ атласныя ленты. Дверь юрты тоже богато вышивается. Иногда кромѣ кошемной вышитой двери дѣлаютъ и двухстворчатыя деревянныя.

У аула невѣсты сватовъ встрѣчаетъ молодой человѣкъ верхомъ, обмѣнивается съ ними привѣтствіями и ведетъ къ приготовленной юртѣ. Нѣсколько молодыхъ людей снимаютъ сватовъ съ коней; отецъ невѣсты и ея родные и близкіе знакомые здороваются * съ прибывшими и вводятъ ихъ въ юрту. Сваты проходятъ въ переднюю часть юрты и садятся по старшинству, а хозяинъ садится противъ нихъ. Начинается бесѣда. Спрашиваютъ о здоровьи скота, семьи, аула и проч., но о цѣли пріѣзда не упоминается. Посидѣвъ нѣсколько времени съ гостями хозяинъ уходитъ предоставляя близкимъ роднымъ ихъ угощать. Ихъ подчуютъ кумысомъ, колятъ барана и варятъ его съ примѣсью кобыльихъ колбасъ (казы) и бараньяго вяленаго мяса (сюръ). Послѣ угощенья приводятъ пѣвца. Если пѣвца или пѣвицы не найдется въ своемъ аулѣ, то ихъ достаютъ изъ сосѣднихъ, а у богатыхъ привозятъ даже изъ другихъ волостей. Хорошими пѣвцами весьма дорожатъ и гордятся. При какомъ-то съѣздѣ Киргизовъ Семипалатинской области съ Киргизами Семирѣченской случилось что пѣвцы Семипалатинскіе были побѣждены; тотчасъ же были посланы гонцы за какимъ-то знаменитымъ пѣвцомъ; его привезли изъза нѣсколькихъ сотъ верстъ, и онъ побѣдилъ всѣхъ собранныхъ на съѣздѣ пѣвцовъ Семирѣчья. Киргизы разказывали мнѣ про это съ гордостію. При описываемой нами церемоніи

* Здороваются слѣдующимъ образомъ: берутся за руки или вѣрнѣе складываютъ руки ладонями вмѣстѣ и поочереди одинъ прикладываетъ руку другаго къ своей груди.

лѣвецъ долженъ восхвалять сватовъ. Нарочно сложенныхъ лѣсень для этого нѣтъ, а поются импровизаціи. Я слышала подобныя импровизаціи; иногда бываютъ весьма не дурны, а иногда совсѣмъ нелѣпыя. Пѣвецъ поетъ аккомпанируя себѣ на домбрѣ; по мѣрѣ того какъ онъ приходитъ въ экстазъ, ритмъ мѣняется. Одинъ разъ случилось слышать такія величанія одному почетному лицу: „ты гора“, „летящій иноходецъ“, „ты слонъ“, „ты пароходъ“ *. Какъ кажется „пароходъ“ считался лѣвцомъ высшею степенью хвалы. Впрочемъ этотъ импровизаторъ признавался знатоками за неумѣлаго и не находчиваго.

Сваты назначаютъ лѣвцу за его лѣсни подарокъ: халатъ, лошадь, иногда что-нибудь и менѣе цѣнное. Подарки эти отдаетъ отецъ невѣсты, говоря что ему будетъ совѣстно если его гости у него въ аулѣ будутъ расходоваться, и что для него ничего не значитъ дать назначенный подарокъ. У бѣдныхъ Киргизовъ сваты остаются и безъ лѣвца если его нѣтъ въ аулѣ.

Послѣ лѣнія гостей оставляютъ отдохнуть; всѣ расходятся по юртамъ и кто-нибудь изъ домашнихъ хозяина приготовляетъ имъ постели.

На другой день, утромъ, хозяинъ приходитъ освѣдомиться какъ гости провели ночь и здоровы ли? Побесѣдовавъ нѣсколько времени, гости заявляютъ что желали бы видѣть хозяйку дома, будущую сватью. Хозяинъ приглашаетъ ихъ пройти въ свою юрту. Войдя туда сваты обмѣниваются привѣтствіями съ хозяйкой и садятся по старшинству въ передней части юрты. Невѣста находится въ это время въ другой юртѣ, если же она еще въ зыбкѣ, то остается тутъ же, только ее не показываютъ. Засватываютъ своимъ сыновьямъ невѣстъ въ зыбкѣ преимущественно бѣдные Киргизы чтобъ имѣть возможность исподоволь выплатить калымъ.

Послѣ угощенья, состоящаго опять изъ кумыса и баранины, сваты заявляютъ что „съ помощью Бога они желаютъ породниться съ хозяиномъ“. Затѣмъ просятъ его выдать дочь за сына пріѣхавшаго большаго свата и назначить за нее калымъ. На это хозяинъ отвѣчаетъ: „Состояніе наше одинаково хорошее, слѣдовательно и калымъ долженъ быть хорошій“:

---

* Киргизы видѣвшіе пароходъ на Иртышѣ называли его *шайтанъ-каюкъ*, то-есть *чортъ-лодка*.

Богатый калымъ бываетъ цѣнностью во сто байталъ (молодыхъ кобылъ.) Почти весь калымъ уплачивается скотомъ. Скотъ принимается такъ: верблюдъ за лять кобылъ, кобыла съ жеребенкомъ за двѣ кобылы, ѣзженая кобыла за двѣ кобылы, средняго бѣга иноходецъ за верблюда или двухъ, бѣгунецъ (скаковая лошадь), средняго бѣга, отъ одного до трехъ верблюдовъ. Какъ хорошее добавленіе даютъ стальную кольчугу, ружье, хорошаго беркута *. Если подобныхъ вещей нѣтъ, то отдаютъ двадцать лять или двадцать байталъ.

Менѣе богатые калымы бываютъ цѣнностью въ 77, 67, 47, 37 и 27 кобылъ; ниже этого калыма не бываетъ. Впрочемъ все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, иногда бѣдный выплачиваетъ лишь одну четверть калыма. То же и въ отношеніи приданаго невѣсты: случается что приданое превышаетъ стоимость калыма, а иногда даютъ гораздо меньше. Если обѣ стороны дружны между собою, то на всѣ эти разчеты мало обращается вниманія; если же нѣтъ, то нерѣдко высказываютъ другъ другу прямо свое неудовольствіе и требуютъ прибавки.

Получивъ согласіе и условившись о калымѣ, сваты возвращаются въ свою юрту, а отецъ невѣсты оставшись у себя устраиваетъ къ вечеру угощенье, колетъ барановъ или жеребенка и посылаетъ пригласить кромѣ пріѣзжихъ сватовъ всѣхъ своихъ однодворцевъ и ближайшихъ сосѣдей.

Между собравшимися гостями сваты занимаютъ полпрежнему почетное мѣсто, а остальные гости садятся послѣ нихъ, но также соблюдая старшинство.

Обмѣнявшись привѣтствіями, всѣ гости умолкаютъ и среди глубочайшей тишины хозяинъ ставитъ предъ гостями въ чашкѣ или блюдѣ *тюстюкъ* ** мелко искрошенный и заявляетъ вмѣстѣ со сватами всѣмъ присутствующимъ, какъ свидѣтелямъ, о состоявшемся на такихъ-то условіяхъ соглашеніи, и предлагаетъ вкусить тюстюка какъ бы въ залогъ вѣрности и нерушимости этихъ условій. Затѣмъ всѣ сваты берутъ по кусочку тюстюка и ѣдятъ, остальной тюстюкъ раздаютъ

---

* Одно изъ любимѣйшихъ развлеченій Киргизовъ охота съ беркутомъ, преимущественно на лисицъ.

** *Тюстюкъ*—баранья грудина срѣзанная съ кожей и шерстью, ее палятъ и поджариваютъ надъ огнемъ, поливая крѣпкимъ разсоломъ, затѣмъ разрѣзаютъ на длинные узенькіе кусочки.

всѣмъ гостямъ какъ свидѣтелямъ, заботясь чтобы непремѣнно всѣмъ достало по кусочку. Покончивъ эту церемонію подносятъ на блюдахъ мясо, а сватамъ подаютъ еще блюдо состоящее изъ очень мелко искрошеннаго курдючнаго сала и бараньей печенки съ примѣсью *катыка* (варенца) или *курта* (сыръ сдѣланный изъ творога). Старшій сватъ, отвѣдавъ этого кушанья, передаетъ блюдо слѣдующему и такъ до послѣдняго младшаго свата; тотъ въ свою очередь отвѣдавъ начинаетъ поочереди приглашать гостей кушать съ его руки прямо ртомъ (асамакъ), и какъ только угощаемый наклонится къ его рукѣ и отвѣдаетъ угощенья, младшій сватъ размазываетъ остальное кушанье ему по лицу; разумѣется ловкій успѣваетъ увернуться.

Пока сваты и гости забавляются этою шуткой, нѣсколько бойкихъ, проворныхъ, молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ прокрадываются изъ-за занавѣса отдѣляющаго кровать, у нихъ въ рукахъ готовыя иглы съ нитками, и онѣ пришиваютъ халаты сватовъ къ коврамъ и курпѣ на которыхъ тѣ сидятъ, оставляя въ покоѣ только самыхъ старыхъ и почетныхъ. Когда по окончаніи угощенья сваты встаютъ посмотрѣть своихъ лошадей, то волокутъ за собой ковры и курпе. Разумѣется начинается съ одной стороны возня и отрыванье всѣхъ этихъ шлейфовъ и хохотъ съ другой. Вскорѣ гости возвращаются снова въ юрту и хотя нѣкоторые сваты и стараются скрыться чтобъ избѣгнуть предстоящихъ игръ, но за ними слѣдятъ и не допускаютъ уйти.

Когда наконецъ всѣ сваты соберутся, дѣвушки и молодыя женщины садятся въ одной сторонѣ юрты, а сваты противъ нихъ въ другой.

Сваты помоложе должны состязаться поочереди съ дѣвушками и женщинами въ импровизаціи пѣсень, стараясь сконфузить другъ друга и заставить замолчать.

Если сватъ не умѣетъ пѣть и сопротивляется, его во всей одеждѣ тащатъ къ водѣ и обливаютъ. Въ то время когда его вытаскиваютъ изъ юрты, товарищи защищаютъ его и просятъ не купать; тащущіе разумѣется не устулаютъ, вслѣдствіе чего провинившагося свата тянутъ въ разныя стороны, кто за руку, кто за ногу, кто за голову, окончательно все же-таки вытаскиваютъ и обливаютъ. Выкулавъ, снова притаскиваютъ въ юрту и требуютъ чтобы пѣлъ, и если и въ этотъ разъ онъ не сумѣетъ или будетъ упрямиться, его наряжаютъ въ

женское платье и на голову надѣваютъ *джаулукъ* *. Одѣвъ свата такимъ образомъ, подвязываютъ ему что-нибудь чтобъ изобразить беременную женщину и смѣются надъ нимъ говоря: „Вотъ беременная наша сватья!“ Послѣ этого его заставляютъ кричать козломъ и бѣгать за женщинами. Весь вечеръ продолжаются пѣсни и подобныя игры. Ночью кто-нибудь изъ молодежи пробирается въ юрту сватовъ, веревкой спеленываетъ ихъ въ одѣялахъ и такъ оставляетъ до утра.

На слѣдующее утро отецъ невѣсты идетъ звать сватовъ въ гости къ себѣ въ юрту. Пока онъ ихъ приглашаетъ, двѣ женщины становятся снаружи юрты по обѣимъ сторонамъ двери съ мукой или сажей въ рукахъ и, какъ только сваты просовываютъ голову въ дверь чтобы выйти, мажутъ имъ сажей лица или бросаютъ въ нихъ мукой; ловкій сватъ и тутъ сумѣетъ проскользнуть не давъ себя выпачкать. Эта шутка возбуждаетъ во всемъ аулѣ смѣхъ. Приведя гостей къ себѣ отецъ невѣсты усаживаетъ ихъ попрежнему, то-есть по старшинству и угощаетъ кумысомъ и чаемъ, причемъ младшій сватъ долженъ украсть одну изъ чашекъ, что всегда и исполняется. Послѣ угощенья отецъ невѣсты по совѣту старшаго свата раздаетъ подарки, „*клитъ*“, соображаясь со степенью родства и значеніемъ гостя. Первый подарокъ—пятнадцать байталъ, даютъ отцу жениха, остальнымъ гостямъ даютъ подарки менѣе значительные.

Получивъ подарки, гости прощаются съ хозяиномъ и приглашаютъ его къ себѣ въ назначенный день. Молодыя дѣвушки и женщины подводятъ коней, предварительно навѣсивъ имъ на гривы, хвосты и сѣдла различныя кости отъ вчерашняго угощенья и спрятавъ лѣвое стремя подъ сѣдло (Киргизы садятся на коня всегда съ лѣвой стороны).

---

* Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая *джаулукъ*,—квадратный, аршина въ два кусокъ бѣлой бумажной матеріи; въ одномъ изъ угловъ вырѣзано отверстіе для лица, вышитое кругомъ шелкомъ, гарусомъ, иногда кораллами, затѣмъ этотъ уголъ и оба боковые срѣзаны, а задній составляетъ косынку спускающуюся ниже таліи: верхъ срѣзанъ по головѣ, какъ наши башлыки. Вторая часть—*чилаушъ*, состоитъ изъ другаго квадратнаго куска той же матеріи; его складываютъ въ нѣсколько разъ и повязываютъ голову сверхъ джаулука такъ чтобъ образовался высокій уборъ съ выпущеннымъ сбоку концомъ.

Насмѣявшись вволю надъ бѣдными джигитами не могущими сѣсть на своихъ коней, женщины помогаютъ имъ привести все въ порядокъ, и сваты уѣзжаютъ.

Въ назначенный день отецъ невѣсты ѣдетъ съ такою же свитой къ отцу жениха, гдѣ повторяется та же встрѣча, тѣ же угощенья, игры, однимъ словомъ все кромѣ подарковъ, которые дѣлаются въ меньшихъ размѣрахъ, но за то въ этотъ пріѣздъ уплачивается большая часть калыма. Жениха также не показываютъ отцу невѣсты, какъ невѣсту отцу жениха. Вообще невѣсту и жену могутъ видѣть всѣ младшіе родственники ея жениха или мужа, старшимъ не смѣетъ показываться. При какихъ-нибудь особыхъ случаяхъ она издали отдаетъ имъ почтеніе, прикладая на одно колѣно, склоняя голову и крестообразно складывая на другомъ колѣнѣ опущенныя кисти рукъ.

Ежегодно отецъ невѣсты ѣздитъ къ отцу жениха и получаетъ частями калымъ. Когда бо́льшая часть калыма уплачена, и женихъ и невѣста достаточно подросли *, отецъ отправляетъ жениха къ невѣстѣ на свиданье (калымдыкъ уйнамакъ). Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи довѣреннаго лица и отъ трехъ до девяти провожатыхъ (косчи). Они везутъ съ собой подарки, которые женихъ долженъ раздавать при свадебныхъ церемоніяхъ.

Первый „*иліу*“ — лошадь, верблюдъ, корова и халаты. Два вторые подарка называются *джиртысъ*. Одинъ—девять дабъ (даба бумажная матерія, продающаяся кусками), другой—различные товары на такую же сумму какъ и дабы. Первый джиртысъ даютъ за свиданье съ невѣстой, второй джиртысъ—за будущее взятіе ее къ себѣ. Потомъ идутъ различные подарки: „кызъ-качаръ“ (за уводъ дѣвушки)—девять различныхъ лоскутковъ по аршину или по полуаршину; *чатыгбай-казы*—столько же; *кызъ-кучактаръ* (за обниманіе невѣсты)—три или четыре аршина; *кемпиръ-ульды* (старуха умерла)—два или полтора аршина; *итъ-ыгыындыгъ* (собака ворчитъ)—аршинъ или поларшина; *уйге-энзигеръ*—три аршина миткалю; далѣе подарки: „за уборку постели“ — одинъ или два аршина; „за поднятіе

* Мнѣ случалось не разъ видѣть взятыхъ уже въ жены Киргизокъ лѣтъ 13 и 14 несмотря на запрещеніе ранѣе 16 лѣтъ выдавать замужъ. На Черномъ Иртышѣ я видѣла супруговъ—мужу было 12 лѣтъ, а женѣ 14.

занавѣса" — два или три аршина; „за сидѣнье на постели"— одинъ или два аршина; „за зовъ жениха"—два или три аршина. Эти подарки состоятъ изъ ситцу, полубархату, дабы, кумачу и недорогаго сукна.

Не доѣзжая полуверсты до аула невѣсты, женихъ сходитъ съ коня и прячется въ тальникѣ, рытвинѣ, чихѣ, иногда онъ привозитъ съ собой палатку.

Товарищи жениха принявъ его коня идутъ съ подарками къ отцу невѣсты объявить объ его пріѣздѣ и отдаютъ подарки *илiу*, *джиртысъ*, и *кызъ-кучактаръ*.

Мать и отецъ невѣсты разсматриваютъ подарки, хвалятъ если находятъ ихъ удовлетворительными, или безъ церемоніи требуютъ добавленія.

Пока отецъ и мать принимаютъ подарки и размѣщаютъ гостей, подруги невѣсты идутъ къ жениху. Завидя ихъ женихъ имъ дѣлаетъ поклонъ „таджимъ"—слѣдующимъ образомъ: наклоняетъ туловище такъ чтобы коснуться пальцами носковъ своихъ салогъ, потомъ медленно выпрямлясь ведетъ руки по салогамъ до колѣнъ.

Познакомившись съ женихомъ, дѣвушки пируютъ съ нимъ до вечера. Онъ даетъ имъ подарки—*чатыгбай-казы*.

Вечеромъ отецъ невѣсты дѣлаетъ угощенье товарищамъ жениха и своимъ одноаульцамъ. Дѣвушки или молодыя женщины носятъ жениху по блюду каждаго кушанья въ его палатку.

По окончаніи этого угощенья одноаулецъ или кто-нибудь изъ сосѣдняго аула уводитъ невѣсту и прячетъ у себя, затѣмъ колетъ барана и собираетъ гостей. Послѣ угощенья женщины и дѣвушки остаются въ юртѣ, а молодежь за юртой; кошмы, чій и ковры снимаютъ съ кереге, такъ что женщины сидятъ точно въ клѣткѣ; между ними и молодежью всю ночь до свѣта идетъ состязаніе въ импровизованныхъ пѣсняхъ. Поютъ попарно мущина и женщина; вся суть въ томъ чтобы сконфузить противника и заставить замолчать.

Вотъ образцы этихъ импровизацій:

Перепѣвъ между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой:

Мущина. Прошу у Бога благословенія! На этотъ праздникъ дѣвицы собрались ранѣе насъ. Я пришелъ нечаянно и лишь сейчасъ, но и на мою долю вѣрно что-нибудь выпадетъ!

Дѣвушка. Благослови Господи, начну слова: сынъ хана Шагъ-Шардана и тронъ султана на почетномъ мѣстѣ. Начну свою пѣсню какъ дикая мухортая кобылица.

Мущина. Аулъ твой въ степи стоитъ или въ долинѣ? Торговцы наполнили баранами базаръ и пѣть мнѣ съ женщинами не приходится. А гдѣ же та дѣвица которая должна бы пѣть со мной?

Дѣвушка. Пришелъ ли ты неусталый и сытый? Я узнаю тебя по голосу безошибочно. Съ тѣхъ поръ какъ не видалась съ тобой прошло много дней и мѣсяцевъ? Счастливо ли живешь и не голоденъ ли?

Мущина. Какъ летѣла съ озера сѣрая утка! Душечка кому принадлежитъ твое сердце? А у меня не было крыльевъ чтобы летѣть при воспоминаніи о тебѣ.

Дѣвушка. Что мнѣ дѣлать? твой аулъ далеко остался; я много печалилась и при воспоминаніи о тебѣ, мой ровесникъ, ноги мои подкашивались.

Мущина. У дѣвушекъ платье изъ красно-пестрой матеріи и пуговки серебряныя съ шелковыми петельками. Что сдѣлали бы онѣ съ тѣмъ кто не пришелъ бы на назначенное для свиданья мѣсто?

Дѣвушка. Конечно худые парни не сумѣютъ ни прійти, ни уйти! По той переправѣ по которой я пришла, ты не перешелъ! Хоть и дѣвушка а дошла до цѣли, а ты этого, парень, сдѣлать не сумѣлъ!

Мущина. Когда твой аулъ уйдетъ далеко, я не буду тосковать по тебѣ! На голову надѣну золотую кисть! Я сталъ другомъ съ другою дѣвушкой, еще красивѣе тебя, и твое хвастовство мнѣ теперь ужъ не нужно.

Дѣвушка. Не думаю чтобы ты желалъ кого нибудь кромѣ меня, потому что у тебя нѣтъ деревца для опоры. И на что мнѣ твое хвастовство, хоть бы у тебя была золотая коса, не нуженъ ты мнѣ теперь!

Перелѣвъ между ложилыми, мущиной и женщиной:

Мущина. Не было бъ льду на водѣ еслибы не морозъ, не была бы вкусна пища еслибы не соль. Не хочу я пѣть съ худой старой бабой, а хочу пѣть съ дѣвицей у которой въ аршинъ коса!

Женщина. Съ молодыхъ лѣтъ ты, какъ льяный, видѣлъ много горя. Теперь и молодость потерялъ и это ужъ второе горе. И на что тебя молодымъ дѣвушкамъ старый хрѣнъ? Не только для дѣвушекъ, но и для молодыхъ женщинъ не стóишь ты ничего!

Мущина. Завидуешь ты теперь дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ! И если еще уважаешь себя, то поди ко мнѣ ближе!

Женщина. Господинъ ты мой! И носъ у тебя курносъ, и глазъ у тебя нѣтъ. Если подойти къ тебѣ дѣвицѣ, за это ногой плутъ! И тебѣ ли пѣть пѣсни, старый хрѣнъ, ступай лучше и грызи съ собаками кости.

Мущина. Выросла береза на черной горѣ! Не знаетъ худая баба обычая молодца! Я не хуже еще и теперь молодаго парня. А твой мужъ похожъ на собачьи объѣдки.

Женщина. Подъ тобою конь караковый, и въ молодости твоя жизнь была пріятная, а сколько не хвались, а ты старѣе моего мужа и спина твоя уже сгорбилась!

Мущина. По закатѣ солнца въ глазахъ темнѣетъ и ночь наступаетъ. Я приготовился ожидая состязанія въ пѣсняхъ, а спина моя сгорбилась отъ желанья поцѣловаться съ такой женщиной какъ ты.

Женщина. Ровестникъ ты мой! — не хвались!—Вѣдь у тебя нѣтъ ужь прежней силы. Отъ старости у тебя и умато ужь нѣтъ; когда ѣшь—чмокаешь, глотать ужь не можешь, да и зубовъ-то ужь нѣтъ.

Мущина. Что̀ нужно тебѣ здѣсь? Убирайся домой, старая баба, и цѣлуйся со своимъ старымъ мужемъ! Вѣки у тебя уже красны, а ты не стыдишься являться на праздникъ и пѣть пѣсни.

Женщина. Ровестникъ ты мой! Вѣдь извѣстно и мнѣ твое житье! Не говори со мною съ желчью; вѣдь ты тоже несмотря на то что не умѣешь высморкать своего носа сидишь здѣсь! Съ какой же стати я уйду ранѣе тебя.

Къ разсвѣту гости раздѣляются на двѣ партіи: одна, одноаульцы невѣсты, требуетъ чтобъ отпустили невѣсту домой; противная партія, которая увела невѣсту, ее не выдаетъ. Начинается борьба: если побѣда на сторонѣ невѣстиной партіи, ее уносятъ на коврѣ въ ея семью. Если же отнять ее не хватитъ силъ, то ее выкулаютъ за девять блюдъ и девять чашекъ какого-нибудь кушанья, или выдаютъ товару на такую же сумму.

Выкуливъ невѣсту, ее точно также на коврѣ уносятъ въ ея юрту и сажаютъ на кровать за занавѣсомъ; тутъ она плачетъ причитая, прощается, обнимаетъ отца и мать, какъ бы сознавъ что должна разстаться съ ними и родною семьей.

Сосѣдъ спрятавшій невѣсту и дѣлавшій эту лирушку получаетъ отъ родителей невѣсты лодарокъ *кызъ-кашаръ* (за уводъ дѣвушки), полученный для этого отъ товарищей жениха. Затѣмъ двѣ молодыя женщины отправляются къ жениху и просятъ его пожаловать къ невѣстѣ. Онъ даетъ имъ подарокъ „за зовъ жениха“, беретъ съ собой одного товарища, несущаго съ нимъ небольшіе подарки, и идетъ съ нимъ и пришедшими женщинами къ невѣстѣ. На дорогѣ имъ встрѣчается женщина лежащая ницъ, притворяясь мертвою, женихъ даетъ ей подарокъ, „старуха умерла“. Она встаетъ и идетъ съ ними. Потомъ встрѣчаютъ женщину бросающую имъ полерекъ дороги баканъ; переступить черезъ бака̀нъ считается дурною примѣтой, женихъ даетъ и

ей подарокъ; она убираетъ баканъ и присоединяется къ нимъ. Вслѣдъ затѣмъ встрѣчаютъ еще женщину, которая лежа на землѣ ворчитъ изображая собаку; женихъ даетъ ей подарокъ „собака ворчитъ“; изображавшая собаку встаетъ, перестаетъ ворчать и замыкаетъ шествіе. Роль собаки берутъ на себя самыя бѣдныя женщины. У дверей юрты невѣсты женщина преграждаетъ дорогу жениху, онъ даетъ ей подарокъ; она сторонится чтобъ его впустить; еще двѣ женщины загораживаютъ ему дорогу. Одной онъ даетъ подарокъ „за поднятіе занавѣса у постели невѣсты“, другой „за уборку постели“. Онѣ берутъ подарки и впускаютъ его за занавѣсъ. Тамъ онъ находитъ невѣсту съ ея родственницей-свахой (дженге) и еще одною женщиной, лежащею на постели. Женихъ даетъ ей подарокъ „за сидѣнье на постели“. Женщина сходитъ съ постели и уходитъ изъ-за занавѣса. Сваха беретъ жениха за руку и позволяетъ погладить невѣсту по головѣ, за что̀ получаетъ подарокъ; затѣмъ соединяетъ ихъ руки, получаетъ подарокъ *кызъ-кучактаръ* (за обниманіе невѣсты), и уходитъ оставляя ихъ однихъ.

Женихъ остается за занавѣсомъ у невѣсты дня три или четыре. Занавѣсомъ отдѣлено около четверти юрты, такъ что это составляетъ какъ бы отдѣльное помѣщеніе. Несмотря на то что женихъ съ перваго свиданія пользуется правами мужа, невѣстѣ считается позорнымъ быть беременною и употребляется тотъ же чай что̀ и дѣвушками. Быть беременною Киргизка можетъ быть законно лишь когда взята въ домъ мужа. Пищу жениху во время пребыванія его за занавѣсомъ носятъ женщины; онъ даетъ имъ за это подарки.

Во все время пребыванія жениха у невѣсты ея отецъ и мать его не видятъ.

По прошествіи трехъ-четырехъ дней женихъ собирается домой. Отецъ невѣсты посылаетъ ему чрезъ его товарища подарки завернутые въ ту же полону въ которой женихъ привезъ свои. Полону эту называютъ *бокъ-джата*. Иногда сверхъ этихъ подарковъ отецъ даритъ ему иноходца. Товарищамъ сопровождавшимъ жениха также дарятъ кому лошадь, кому халатъ, кому на рубаху, сообразно положенію занимаемому ими въ своей средѣ. Но всѣ эти подарки зависятъ отъ щедрости отца невѣсты; если хочетъ, онъ можетъ и вовсе ихъ не давать.

Въ день отъѣзда женихъ тихонько пробирается, стараясь

чтобъ его не видѣли, изъ юрты невѣсты въ свою палатку. Когда онъ садится на коня, сваха передаетъ ему подарки отъ невѣсты, состоящіе изъ колецъ, серегъ, вообще разныхъ мелкихъ вещей.

При въѣздѣ жениха въ свой аулъ, его встрѣчаютъ сестры съ подругами-дѣвушками, и онъ раздаетъ имъ эти вещицы нарасхватъ, оставляя у себя незначительную часть.

Не показываясь домой и по возможности стараясь быть незамѣченнымъ, онъ приходитъ въ юрту родственника или сосѣда, раздаетъ тамъ остальные подарки своей невѣсты, затѣмъ снимаетъ и прячетъ тутъ же свое нарядное платье, въ которомъ ѣздилъ къ невѣстѣ, и, надѣвъ обыкновенный свой нарядъ, идетъ здороваться къ своимъ родителямъ, не упоминая ни словомъ о своей поѣздкѣ и вообще держась такъ какъ будто онъ и не ѣздилъ къ невѣстѣ.

Отецъ и мать узнаютъ отъ его товарищей о всѣхъ подробностяхъ его поѣздки.

Невѣста также не показывается своимъ родителямъ дня три или четыре какъ бы стыдясь.

Иногда случается и такъ что въ первый свой пріѣздъ женихъ не входитъ въ юрту невѣсты, а сваха соединяетъ ихъ руки сквозь кереге и позволяетъ жениху погладить невѣсту по головѣ. Затѣмъ онъ и уѣзжаетъ. Недѣли черезъ три или четыре послѣ перваго своего пріѣзда женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ. Если ея аулъ близокъ, то одинъ, если далекъ, то съ товарищемъ. Подъѣхавъ къ аулу невѣсты, женихъ во второй свой пріѣздъ снова старается чтобъ его не видѣли, и если нѣтъ у него своей палатки, входитъ въ какую-нибудь юрту и оттуда даетъ знать матери невѣсты и свахѣ о своемъ пріѣздѣ. Сваха снова устраиваетъ его свиданье съ невѣстой; незамѣтно вечеромъ проводитъ его за тотъ же занавѣсъ за которымъ онъ былъ и въ первое свиданье.

Въ этотъ пріѣздъ женихъ живетъ въ аулѣ невѣсты нѣсколько дней и даже по мѣсяцу. Все это время дженге служитъ ихъ ловѣренною. Уѣзжая къ себѣ, женихъ отдаетъ ей подарокъ, дженге-тай, иногда доходящій, смотря по богатству жениха, цѣнностью до ста рублей.

До взятія невѣсты въ свой домъ женихъ пріѣзжаетъ къ ней нѣсколько разъ; эти свиданія дѣлаются съ разрѣшенія отца невѣсты.

Предъ его пріѣздомъ за ней, невѣста ѣздитъ прощаться съ

родными и знакомыми; ее сопровождаютъ только дѣвушки, ея подруги. Онѣ заходятъ въ каждую юрту, и невѣстѣ на прощаньѣ дарятъ, кто что̀ можетъ по своимъ средствамъ. Эти подарки принимаютъ и возятъ за ней ея подруги. Если у невѣсты есть сестры замужемъ въ очень далекихъ волостяхъ, то за мѣсяцъ или за два до свадьбы она ѣдетъ къ нимъ прощаться. Сестры тоже ей дарятъ.

По окончательной уплатѣ калыма женихъ ѣдетъ за невѣстой. Онъ беретъ съ собой, смотря по своему состоянію, отъ одного до пятнадцати товарищей и ведетъ до двадцати головъ скота, крупнаго и мелкаго, кончая полугодовымъ жеребенкомъ, для угощенія на предстоящемъ праздникѣ. Этотъ скотъ называется *тай-малъ*. *

Кромѣ того женихъ везетъ подарки: *сютъ-акы* (плата за молоко) матери невѣсты за то что она вскормила грудью свою дочь, *дэжиртысъ* отцу невѣсты, *отау-дэжаборъ* (юрту накрывать) и *моинъ-тасторъ* (шейную кость бросать) женщинамъ, ставившимъ юрту молодой четы; имъ же даетъ онъ *ирге-теберъ*—кошмы для нашивки на нихъ узоровъ для юрты невѣсты.

Не доѣзжая полуверсты до ея аула, женихъ останавливается, а товарищи его ѣдутъ прямо въ юрту ея отца и тамъ остаются. Узнавъ о пріѣздѣ жениха, дѣвушки и женщины несутъ ему палатку и разныхъ кушаній. Лишь только онъ ихъ завидитъ, дѣлаетъ имъ *тадэжимъ*. Затѣмъ женщины разставляютъ палатку и угощаютъ жениха.

Подавая ему кумысъ, женщина или дѣвушка прячетъ руку въ длинный рукавъ рубашки и тихонько двигаетъ чашку къ жениху, тотъ также, спрятавъ руку въ рукавъ, приготовляется ее взять, но только онъ хочетъ ее взять, женщина отдергиваетъ чашку.

Обманувъ такимъ образомъ два раза, только на третій даетъ ему пить. Послѣ угощенья занимаютъ жениха разговорами и шутками до вечера. Вечеромъ приходитъ сваха, приглашаетъ жениха къ невѣстѣ и попрежнему проводитъ тайно къ ней за занавѣсъ. На разсвѣтѣ женихъ провожаемый невѣстой уходитъ къ себѣ въ палатку, такъ чтобъ отецъ и мать, пробудившись, не знали что онъ былъ у нея.

---

* Тай—празднества, малъ—скотъ.

Въ этотъ день, какъ только аулъ поднимется, женщины и дѣвушки собираются въ юрту отца невѣсты и тамъ кроятъ и шьютъ изъ привезенныхъ женихомъ кошмъ юрту молодымъ и нашиваютъ на нее вырѣзанное разными фигурами сукно разныхъ цвѣтовъ, которое невѣста заготовляетъ заранѣе. Покончивъ эту работу ставятъ юрту молодыхъ. При постановкѣ даютъ поднимать на баканѣ чанаракъ счастливой въ замужествѣ женщинѣ чтобъ и будущая чета была также счастлива.

Подарки *отау-джабаръ* и *моинъ-тастаръ* состоятъ оба или изъ барана, или изъ жеребенка; ихъ колятъ, варятъ, и когда юрта готова и поставлена, всѣ участвовавшіе въ ея постановкѣ собираются, усаживаются вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой и угощаются приготовленнымъ мясомъ. Когда его съѣдятъ, одна изъ женщинъ подаетъ жениху обглоданную кость бараньихъ шейныхъ позвонковъ (моинъ), обвязавъ ее бѣлымъ лоскуткомъ. Женихъ, потулившись, долженъ выбросить эту кость черезъ чанаракъ изъ юрты; это чтобы дымъ изъ нея выходилъ также безпрепятственно какъ вылетѣла эта кость. Если женихъ по неловкости не сумѣетъ выбросить, надъ нимъ смѣются. Въ это же время у отца невѣсты приготовляется приведенный женихомъ для угощенья скотъ—таймалъ. Пока мясо варится выбираютъ двухъ молодыхъ женщинъ, одна одѣвается во всю парадную одежду невѣсты. Парадная одежда невѣсты: *саукёле*—головной уборъ конусообразный, вышитый болѣе аршина, онъ покрытъ краснымъ сукномъ, а по немъ серебряными и золотыми пластинками, жемчугомъ, кораллами и драгоцѣнными камнями, вершка два отступя отъ края, идетъ широкая опушка изъ выдры или бобра; отъ мѣха до края и спускаясь на лицо жемчужная плетенка въ родѣ русскихъ подизей; съ боковъ прикрѣплены длинныя нити коралловъ и жемчуговъ съ такими же кистями. Къ верхушкѣ саукеле прикрѣпляютъ пучокъ перьевъ лавлиньихъ, страусовыхъ или филиновыхъ; отъ него тоже идутъ нѣсколько нитей жемчужныхъ и коралловыхъ съ такими же кистями и *уке* (пучкомъ филиновыхъ перьевъ). Отъ верхушки саукёле и падая вдоль спины ниже колѣнъ идетъ широкая лента, или вышитая, или сшитая изъ двухъ широкихъ кованыхъ галуновъ, посрединѣ украшенная крупными кораллами. Подъ саукёле прикрѣпляется *джаулукъ*, весь вышитый и опушенный около лица мѣхомъ. У богатыхъ этотъ джаулукъ

дѣлаютъ изъ бѣлой шелковой матеріи и вышиваютъ золотомъ. Цѣнность саукёле доходитъ иногда до двухъ тысячъ рублей. Саукёле надѣваетъ Киргизка когда ѣдетъ послѣ свадьбы изъ аула отца въ аулъ мужа. Она носитъ ее послѣ свадьбы при перекочевкахъ въ теченіе года. Кромѣ саукёле невѣста надѣваетъ парадный *тонъ* (халатъ); его дѣлаютъ изъ канфы или манлыка (манлыкъ—китайская матерія, шелковая и затканная золотомъ и серебромъ), на мѣху лисьемъ собольемъ и чернобурыхъ лисицъ, кругомъ тонъ обшиваютъ соболемъ, бобромъ или выдрой и широкимъ галуномъ.

Другой женщинѣ, тоже по возможности богато одѣтой, даютъ параднаго коня невѣсты.

Парадный конь невѣсты покрывается попоной изъ краснаго сукна, она вышивается шелками или дѣлается изъ манлыка; кругомъ обшиваютъ богатою золотою бахромой, на головѣ попона надѣта на уши, надъ ушами прикрѣплены пучки филиновыхъ перьевъ, потомъ она спускается на лобъ угломъ между глазами. Сѣдло все расшито шелками; узда, стремена, вся сбруя отдѣланы серебромъ, иногда камнями. Обѣ женщины садятся на лошадей и ѣдутъ по своему и сосѣднимъ ауламъ приглашать на свадьбу къ отцу невѣсты. Когда гости соберутся, ихъ угощаютъ до сыта мясомъ и кумысомъ. Послѣ угощенія старики расходятся по домамъ и молодежь садится на коней, подъѣзжаетъ къ юртѣ невѣсты и требуетъ подарка *мюшъ* (кость отъ задней ноги барана). Мать невѣсты подаетъ имъ эту кость съ мясомъ завернутую въ парчу, полубархатъ, у бѣдныхъ въ миткаль; успѣвшій схватить ее скачетъ, стараясь скрыться съ нею отъ преслѣдующихъ его товарищей; начинается игра. Тутъ щеголяютъ конями и ловкостью съ которой они гоняются другъ за другомъ и увертываются; нѣсколько разъ эта кость переходитъ изъ рукъ въ руки, пока наконецъ кому-нибудь не удастся ускакать съ нею и скрыться. Если мать невѣсты не дастъ требуемаго мюшъ, стаскиваютъ кошмы съ юрты и таскаютъ ихъ по степи. Потомъ молодежь требуетъ къ себѣ сватовъ. Если они скрываются, ихъ ведутъ на коняхъ къ юртѣ отца невѣсты; съ передней части юрты заблаговременно сняты кошмы и уюки, въ юртѣ сидитъ множество молодыхъ женщинъ. Подведя свата къ отверстію юрты, молодежь схватываетъ его и бросаетъ прямо къ женщинамъ; тѣ колотятъ его какъ могутъ пока онъ не выберется въ двери, ловкій же сватъ, когда его только

подводятъ къ юртѣ, самъ бросается съ коня въ отверстіе и ловко обороняясь отъ женщинъ успѣваетъ невредимо проскочить въ двери. Потомъ вся молодежь отправляется къ той женщинѣ въ семью которой въ первый пріѣздъ жениха былъ данъ подарокъ *кызъ-кашаръ* (за уводъ дѣвушки). Тамъ они проводятъ время въ играхъ и пѣсняхъ. Жениху и невѣстѣ предоставляется быть тутъ или нѣтъ — по желанію.

Съ тѣхъ поръ какъ Киргизы приняли магометанство, наканунѣ отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома, приглашается мулла. Онъ совершаетъ обрядъ вѣнчанія; невѣсту и жениха сажаютъ рядомъ въ передней части юрты, отецъ и мать рядомъ садятся съ ними, мулла противъ нихъ, на правой сторонѣ юрты къ двери сидятъ свидѣтели. Предъ женихомъ и невѣстой ставятъ чашу съ водой, мулла беретъ съ руки невѣсты кольцо, опускаетъ его въ воду и читаетъ молитву, потомъ жениха и невѣсту спрашиваетъ поперемѣнно желаетъ ли онъ взять ее въ жены и она быть его женой, затѣмъ вынимаетъ кольцо изъ чаши, передаетъ его невѣстѣ, и даетъ жениху, невѣстѣ, ея родителямъ и свидѣтелямъ отлить воды изъ чаши. Затѣмъ мулла записываетъ въ метрическую книгу вступившихъ въ бракъ. Гдѣ нѣтъ по близости муллы, просто ѣдутъ къ нему свидѣтели и заявляютъ что такіе-то вступили въ бракъ. Мулла записываетъ ихъ имена въ книгу, свидѣтели подписываются, и тѣмъ церемонія вѣнчанія и ограничивается. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ обходятся даже и безъ этого.

Въ день назначенный для отъѣзда, поутру въ юрту молодыхъ приходятъ свахи и приглашаютъ жениха въ юрту отца. Войдя съ ними туда, онъ дѣлаетъ родителямъ молодой таджимъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ повторяетъ поклонъ и наконецъ на приглашеніе матери молодой сѣсть дѣлаетъ третій таджимъ и садится. Сваты находятся тутъ же. Отецъ и мать даютъ молодому въ подарокъ халатъ, иногда что-нибудь болѣе цѣнное, сообразно со своими средствами.

Потомъ показываютъ приданое невѣсты, состоящее изъ девятокъ: девять ковровъ, девять зилуновъ (тонъ), девять халатовъ, девять рубахъ, и т. д. У самыхъ богатыхъ это усиливается въ десять разъ по девяти, то-есть 90 ковровъ, 90 зилуновъ, и т. д.

Предъ осмотромъ приданаго молодую приводятъ въ юрту отца и сажаютъ за занавѣсъ. Ей предоставляется выбрать

себѣ лошадь изо всего отцовскаго табуна. Она ее назначаетъ. Вслѣдъ затѣмъ женщины одѣваютъ ее въ саукёле, тонъ и пр. Во время одѣванья она плачетъ, причитая что теперь она оторвана отъ своей родной семьи, отъ своего роднаго крова.

Приданое и юрту молодой вьючатъ на верблюдовъ. Эти верблюды остаются новобрачнымъ.

Когда все готово и лошадь молодой осѣдлана и убрана парадною попоной, молодая обнимаетъ отца и плачетъ, причитая о разлукѣ съ нимъ, потомъ также прощается съ матерью и другими родными и знакомыми. Когда она простится со всѣми, кто-нибудь изъ семьи беретъ кусокъ мяса или другой пищи, завертываетъ въ лоскутокъ и обводитъ два или три раза надъ головой молодой чтобы домашнее счастье не ушло вмѣстѣ съ нею.

Предъ тѣмъ что выведутъ молодую изъ юрты, кто-нибудь изъ молодыхъ парней подъѣзжаетъ на конѣ къ юртѣ и предъ дверью поетъ пѣсню; одна изъ женщинъ находящихся въ юртѣ отвѣчаетъ ему пѣснею же.

Пѣснь парня.

Желтѣя показывается разсвѣтъ, бійкемъ, *
Скучаю и страдаю я по тебѣ!
Слетали съ моря два гуся:
Одинъ бѣлъ какъ снѣговая пыль,
Другой сизо-бѣлый—бійкемъ!
Какъ въ ногѣ имѣется чашка и бабка,
Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.
Не сокрушайся что у тебя остается здѣсь отецъ.
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекръ, джаръ, джаръ!
Не сокрушайся что у тебя остается здѣсь мать.
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекровь, джаръ, джаръ!

Пѣснь женщины въ отвѣтъ.

Насколько бы ни былъ хорошъ мой свекръ,
Но съ роднымъ вскормившимъ меня отцомъ
Ему не сравниться—джаръ, джаръ!
Насколько ни была бы хороша моя свекровь,
Но съ матерью вскормившей меня грудью
Ей не сравниться—джаръ, джаръ!

* Бійкемъ—княжна.

Парень.

Какъ въ ногѣ имѣется чашка и бабка,
Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.
Не сокрушайся что у тебя здѣсь остается старшій братъ;
Тамъ тебѣ его замѣнитъ деверь—джаръ, джаръ!
Не сокрушайся что покидаешь младшаго брата,
Его тебѣ замѣнитъ тамъ хорошій деверь—джаръ, джаръ!

Женщина.

Хоть хорошъ теперь мой деверь, но сравниться онъ съ ласкавшимъ меня братомъ не можетъ—джаръ, джаръ!
Хоть хорошъ теперь младшій мой деверь, но сравниться онъ съ крылатымъ меньшимъ моимъ братомъ не можетъ—джаръ, джаръ!

Парень.

Не сокрушайся что покидаешь младшую сестру, тебѣ ее замѣнитъ тамъ хорошая золовка—джаръ, джаръ!
Не сокрушайся что покидаешь невѣстку, ее замѣнитъ тамъ хорошая сноха.

Женщина.

Хоть хороша теперь моя золовка, но сравниться съ родной моей младшей сестрой не можетъ—джаръ, джаръ!
Хоть хороша моя сноха, но сравниться съ откровенною со мною невѣсткой не можетъ—джаръ, джаръ!

Парень.

Подъ тобою бѣлый конь, княжна, надѣта на тебѣ шуба
Красная, княжна.—И отецъ твой когда-то былъ молодъ—и
Обычай этотъ остался отъ дѣдовъ.—Подъ тобой конь ай-каска *.
Взнуздай своего коня и садись! Вяжи на когенъ ** своихъ барановъ и дой! Когда начнутъ твои дѣти ползать, посѣкутся твои волосы,
Бійкемъ! Богомъ это повелѣно и не ѣхать тебѣ нѣтъ возможности.
Подъ тобою лошадь сѣрая и за тобой ведется верблюдица.
Бійкемъ! Не прекратится твое рыданіе какъ у утѣшившагося ребенка, бійкемъ.

---

* *Ай-каска* съ лысиной на лбу въ видѣ полумѣсяца.—Это считается счастливою примѣтой.

** *Когенъ*—веревка къ которой привязываютъ овецъ для доенія.

Послѣ этихъ лѣсень молодую выводятъ подъ руки и сажаютъ на коня. Мать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ одноаульцевъ ѣдетъ провожать дочь; кромѣ того сваты провожаютъ молодаго. Вся эта процессія съ верблюдами навьюченными юртой и приданымъ молодой отправляется въ аулъ молодаго.

Если молодой изъ другой волости, то послѣдній аулъ на границѣ невѣстиной волости требуетъ подарокъ.. Кто-нибудь изъ аульныхъ встрѣчаетъ на конѣ процессію и получаетъ этотъ подарокъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего аула молодой ѣдетъ впередъ дать знать своимъ родителямъ и аулу что молодая жена его ѣдетъ.

Юрта молодой тоже отправляется впередъ; ее ставятъ собравшіяся женщины и дѣвушки; чанаракъ снова даютъ подымать самой счастливой женщинѣ. Поставивъ юрту, женщины и дѣвушки идутъ встрѣчать молодую и несутъ съ собою пологъ. Встрѣтивъ ее и поздоровавшись съ ней, молодую снимаютъ съ коня и ведутъ подъ руки; пологъ растягиваютъ предъ ней и такимъ образомъ закрываютъ ее. * Подходя къ аулу и своей юртѣ она нѣсколько разъ преклоняетъ колѣно.

Придя съ молодой въ юрту, ея мать раздаетъ дѣвушкамъ и женщинамъ подарки, кольца, серьги и другія бездѣлушки, а женщинѣ подымавшей чанаракъ даетъ миткалю на джаулукъ.

Все приданое отправляется къ отцу молодаго; онъ осматриваетъ его въ присутствіи сватьи и одобряетъ или находитъ недостаточнымъ, и въ такомъ случаѣ дѣлаетъ ей упреки въ скулости.

Послѣ осмотра приданаго, мать молодой отправляется къ ней въ юрту. Молодая проводитъ весь день въ своей юртѣ съ матерью, дѣвушками и женщинами; заводятъ игры, шутки, и всѣ женщины остаются ночевать у нея. Молодой спитъ до отъѣзда женіной матери у себя въ домѣ.

На слѣдующее утро дѣвушки еще получаютъ маленькіе подарки отъ матери молодой, а вечеромъ по порученію отца

---

* Этотъ годъ на Курчумѣ я видѣла свадебный поѣздъ; у молодой на саукеле было надѣто шелковое покрывало.

молодаго двѣ женщины приглашаютъ молодую къ нему въ юрту. Молодую ведутъ подъ покрываломъ, и какъ только она переступитъ порогъ двери, дѣлаетъ поклонъ, преклоняя колѣно. Въ это время кто-нибудь изъ ея родныхъ даетъ подарокъ отцу молодаго, халатъ или ситцу * за то что молодая увидала очагъ въ домѣ свекра. Свекоръ ее встрѣчаетъ словами: „много твори добра, дочь“. Молодая сдѣлавъ шагъ впередъ повторяетъ поклонъ, свекоръ повторяетъ то же изреченіе.

Тутъ постилаютъ сырую баранью шкуру и приглашаютъ молодую сѣсть, на что̀ она отвѣчаетъ тѣмъ же поклономъ, преклоняя колѣно, но садится только послѣ повтореннаго приглашенія. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ мясо всѣмъ гостямъ, кромѣ молодой; ее угощаютъ подруги—молодыя женщины. Остатки мяса со своего блюда свекоръ подаетъ молодой; она принимаетъ, преклонивъ колѣно; а онъ ей повторяетъ: „много твори добра, дочь“, и читаетъ молитву.

Послѣ этого кто-нибудь изъ старшихъ требуетъ чтобъ открыть лицо молодой.

Мать ея подаетъ кому-нибудь изъ молодыхъ людей кусокъ бѣлой дабы или миткалю; онъ привязываетъ его на конецъ палки или на ружейный шомполъ и поетъ, выпрашивая *керюмдыкъ*.

Пріѣхала сноха, давайте керюмдыкъ!
Не говорите то да се, а объявляйте, кто что̀ даетъ?
Верблюда давайте бѣлаго для счастливаго приплода,
Коня давайте сѣраго чтобы былъ иноходецъ, да хорошъ собой,
Коровъ давайте черныхъ чтобы не умирали отъ раны,
Барановъ давайте пестрыхъ чтобъ изъ чаши не истощалось сало,
Собаку давайте злую чтобы не лускала со двора ни одной скотины.
Ты скажи, сноха! Ты скажи, сноха!
Ты сдержи коня, сноха, осторожнѣе сороки и бѣлѣе яйца, сноха.
Не вздергивай носикъ и губки и не дѣлай сплетенъ сноха.
Скрипя своими зелеными сапожками, не гуляй по аулу и не сплетничай, сноха!
Хотя мѣшокъ и не завязанъ, не воруй курта!
Не заставляй мужа вставать ранѣе себя съ постели.

* Ситецъ очень дорого, сравнительно, цѣнится въ степи и на Алтаѣ.

Отецъ молодаго даетъ косякъ лошадей, мать верблюда—девятку, братья, сестры, всѣ даютъ по своимъ средствамъ.

По мѣрѣ того какъ каждый объявляетъ свой керюмдыкъ, молодая приподымаетъ покрывало и показываетъ ему свое лицо. Молодому предоставляется право присутствовать тутъ или нѣтъ.

Изъ юрты свекра молодая возвращается въ свою юрту, гдѣ дня три или четыре проводитъ со своею матерью и подругами, почти не видя мужа.

На четвертый день мать молодой заявляетъ что желаетъ возвратиться къ себѣ. Отецъ и мать молодаго дарятъ ей верблюда—девятку, а сопровождавшему ее лошадь и халатъ. У бѣдныхъ даютъ и меньше.

При отъѣздѣ матери молодой, ей подводятъ лошадь молодыя женщины.

Она плача прощается съ дочерью и увѣщаетъ ее быть послушною и дѣятельною, затѣмъ садится на лошадь и уѣзжаетъ; молодыя женщины и дѣвушки провожаютъ ее за ауалъ, подаренный скотъ ведутъ за нею.

Этимъ оканчиваются брачныя церемоніи.

II. Похоронные обряды Киргизовъ.

Когда больной Киргизъ находится въ безнадежномъ положеніи и кончина его приближается, родные посылаютъ за муллой, или, если муллы нѣтъ по близости, за грамотнымъ человѣкомъ. Если мулла застаетъ умирающаго еще въ живыхъ, онъ читаетъ надъ нимъ молитву изъ Корана, и умирающій, если только въ состояніи, повторяетъ за нимъ слова. Жена и дѣти сидятъ тутъ же въ юртѣ. Жена должна сидѣть совершенно тихо и не плакать. Иногда больной дѣлаетъ словесное завѣщаніе, распредѣляя свое имущество между дѣтьми или родными. Умирающій очень часто самъ назначаетъ кому обмывать его послѣ смерти.

Умершему мулла закрываетъ глаза, и тотчасъ приготовляютъ кровать на лѣвой сторонѣ юрты (кровать хозяина юрты всегда на правой сторонѣ). Снимаютъ всѣ одежды, кладутъ тѣло на приготовленную кровать, накрываютъ одеждами и заставляютъ, какъ ширмами, чіемъ.

Въ самую минуту кончины, разсылаютъ гонцовъ возвѣстить роду о кончинѣ такого-то. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посылаютъ о-двуконь, въ четыре противоположныя стороны четырехъ гонцовъ. Въ другихъ просто въ ту сторону гдѣ кочуетъ въ это время народъ. Они приглашаютъ народъ на молитву и говорятъ что такой-то „удостоился быть въ окрестности Mekku“, не говоря прямо что умеръ.

Всѣ скачутъ тотчасъ въ аулъ умершаго, не жалѣя ни себя, ни коней; если лошадь загонятъ до смерти—не обращаютъ вниманія; если кто изъ людей упадетъ и убьется въ этой бѣшеной скачкѣ, не только не считается несчастіемъ, но напротивъ счастливымъ для убившагося событіемъ, такъ какъ чрезъ это онъ дѣлается святымъ.

За версту до юрты покойника, на всемъ карьерѣ начинаютъ перекачиваться на сѣдлѣ въ обѣ стороны и кричать: „Ой-бой, мой хозяинъ! мой защитникъ! моя надежда! мое счастье! мой покровитель! мое благосостояніе! моя опора!“ Затѣмъ, входятъ въ юрту, обнимаются, здороваются и плачутъ вмѣстѣ съ семьей. Дѣти и родные начинаютъ причитать: „Что мы теперь! лишились своей Mekku! защитникъ нашъ упалъ! лишились покровителя! свѣтъ нашъ погасъ“!

Пріѣхавшіе почетные люди утѣшаютъ ихъ, обѣщаютъ покровительство, говорятъ: „Да сохранитъ васъ Богъ въ будущемъ. Вамъ онъ былъ нуженъ, а народу еще болѣе необходимъ, но Богъ его хозяинъ; Его воля.“ Къ женѣ умершаго собираются женщины, снимаютъ съ ея головы джаулукъ и расплетаютъ косу. На голову ей повязываютъ кусокъ чернаго вельверета. Вдова снимаетъ съ себя всѣ украшенія: браслеты, кольца и т. д. То же дѣлаетъ весь аулъ; даже дѣвушки и молодые люди снимаютъ съ шапочекъ *yke* (украшеніе изъ филиновыхъ перьевъ въ видѣ султанчика, его носятъ положительно всѣ молодые люди, какъ украшеніе, но болѣе какъ предохранительное средство отъ дурнаго глаза).

Лишь только соберется народъ, человѣкъ семь отправляются рыть могилу; приступаютъ къ обмыванію тѣла. Кровать съ мертвецомъ относятъ въ сторону и на мѣсто гдѣ она стояла ставятъ совершенно новыя доски на подставкахъ, покрываютъ ихъ бѣлою дабой и перекладываютъ на нихъ тѣло. Лица приглашенныя по волѣ усопшаго для обмыванія, числомъ отъ трехъ до семи, бываютъ обыкновенно изъ людей грамотныхъ, набожныхъ, вообще почетныхъ.

Кунганъ и казанъ для воды берутся совершенно новые или же выжигаются на огнѣ чтобъ они были чисты и свѣтлы какъ новые. Если вода близко, ее приносятъ въ казанѣ, если далеко—въ совершенно новой, недержанной посудинѣ. Носокъ кунгана завязываютъ бѣлымъ лоскуткомъ; кромѣ того, берутъ большой бѣлый лоскутъ, въ немъ дѣлаютъ отверстіе и чрезъ него, какъ чрезъ воронку, льютъ воду на тѣло. Руки обмывающихъ тоже обвиваются бѣлыми лоскутками. Мулла во время обмыванія читаетъ Коранъ и дѣлаетъ замѣчанія куда и какъ лить воду. Умершую женщину обмываютъ и завертываютъ въ *ахретъ* женщины, мулла читаетъ Коранъ за занавѣсомъ. Ахретъ—тонкая, бѣлая ташкентская ткань. Мулла кроитъ изъ нея и самъ сшиваетъ саванъ: для мущины три простыни, одна больше другой; самая бо́льшая на двѣ четверти длиннѣе трупа. Для женщины дѣлается ахретъ въ пять или семь простынь. Иногда муллѣ помогаетъ ихъ сшивать кто-нибудь изъ почетныхъ лицъ. Обмывъ тѣло, его вытираютъ досуха и перекладываютъ на новую бѣлую кошму. Мулла завертываетъ тѣло сначала въ меньшій, затѣмъ во второй и наконецъ въ самый большой ахретъ. Изъ ахрета же приготовляются длинныя завязки, ими туго затягиваютъ ахретъ надъ головой, по таліе и подъ ступнями. Руки покойника вытянуты вдоль тѣла.

Выносятъ тѣло изъ дому головой впередъ. Въ то время какъ его выносятъ изъ юрты, вдова и дѣти просятъ еще разъ взглянуть на покойнаго и имъ открываютъ его лицо. Если могила близка—несутъ на рукахъ, на носилкахъ; если далека, то привязываютъ тѣло на сложенное кереге и кладутъ его на верблюда поперекъ между горбами и укрѣпляютъ на привьюченные съ боковъ *кебежи* (сундуки), или вмѣсто верблюда кладутъ на двухъ лошадяхъ. Зимой везутъ на саняхъ. Вдова и дочери не провожаютъ тѣла и не выходятъ изъ юрты. Когда процессія отойдетъ отъ юрты шаговъ сорокъ, братъ, сынъ или другой близкій родственникъ покойнаго подходитъ къ муллѣ и говоритъ: „Дарю тебѣ лошадь, халатъ и т. п.“ Въ настоящее время иногда просто рубль, смотря по желанію и по состоянію.

Въ могилѣ дѣлаютъ углубленіе или ложбинку чтобы только можно было положить тѣло. Покойника кладутъ немного на бокъ и лицомъ обращеннымъ къ западу. Затѣмъ отверстіе въ углубленіе или ложбинку, куда положено тѣло, закладываютъ

жердочками и замазываютъ глиной; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда невозможно достать глины, закладываютъ травой, затѣмъ уже засыпаютъ землей. Мулла читаетъ надъ могилой молитву изъ Корана. Иногда четыре муллы становятся по четыремъ сторонамъ могилы.

Сыновья или если нѣтъ сыновей кто-нибудь изъ родственниковъ привозятъ на могилу *джиртысъ* (подарки.) Когда мулла прочитаетъ на могилѣ молитву, родные уносятъ джиртысъ на возвышенное мѣсто, а народъ остается на могилѣ. Джиртысъ раздѣляютъ на *девятки* и начинаютъ вызывать изъ народа представителей родовъ. Каждому изъ нихъ даютъ девятку говоря: „Вотъ вамъ на вашъ родъ", предоставляя самимъ дѣлить между своими родичами. Муллѣ надѣваютъ халатъ *. Юрту покойнаго, въ то время какъ его хоронятъ, переносятъ на новое мѣсто. Кровать и постель, на которой умеръ, переходятъ его вдовѣ; если же умретъ жена, то мужъ спитъ на этой кровати пока не возьметъ другой жены, тогда кровать и постель переходятъ къ старшей дочери покойной.

Любимой лошади покойнаго подрѣзаютъ хвостъ на четверть и никто уже на нее болѣе не садится. При перекочевкахъ эту лошадь сѣдлаютъ лучшимъ сѣдломъ покойнаго, накладываютъ на нее лучшее его платье и парадный поясъ, шапку прикрѣпляютъ на переднюю луку; дочь или ближайшая родственница, дѣвушка, ведетъ эту лошадь впереди кочевки, предъ ней несутъ *найзу* (пику) покойнаго съ навязаннымъ флагомъ для молодаго—краснымъ, среднихъ лѣтъ—чернымъ, старика—бѣлымъ. Въ то время когда семья покойнаго стоитъ на *джелау*, *кыстау* и *кузеу* (лѣтнемъ, зимнемъ, весеннемъ и осенними стойбищахъ), найза стоитъ въ его юртѣ; въ сводѣ юрты прорѣзаютъ отверстіе и выставляютъ наружу наконечникъ пики со флагомъ. Конецъ древка воткнутъ въ землю.

Три дня въ домѣ умершаго не варятъ пищи и если въ минуту смерти она варилась, ее немедленно выносятъ. Мулла три дня приходитъ въ юрту умершаго читать молитвы.

Черезъ три дня женщины собираются въ юрту вдовы, заплетаютъ ей волосы и вновь надѣваютъ джаулукъ; во время этой церемоніи она плачетъ и причитаетъ извѣстнаго рода напѣвомъ.

---

* У Киргизовъ есть обычай если дарятъ халатъ непремѣнно надѣть его на плечи тому человѣку которому дарятъ.

Вотъ одно изъ такихъ причитаній—плачъ жены по молодомъ мужѣ:

„О, царящая, владычествующая надъ всѣми смерть! Ты врагъ живой души, ты всѣхъ древнихъ пророковъ взяла себѣ. Смерть! Ты темнота и болѣзнь живой души! Голосъ мой идетъ какъ бушующій вѣтеръ и вся душа облилась горемъ! Не далъ ты на себя посмотрѣть въ настоящей жизни! Стоны мои раздаются какъ отъ укушенія фаланги и зову тебя не жалѣя себя. Глаза мои, мой юный другъ, сверкаютъ какъ у зайца преслѣдуемаго гончею собакой. Разсталась я съ тобой, горемычная, какъ Козе-Курлешъ съ Баяномъ *. Не пожилъ ты, мой дорогой, хотя двадцати лѣтъ! Не вѣрила я тому что ты, любезный мой, умрешь, хотя ты и хворалъ. Царствіе тебѣ небесное, мой слутникъ, очевидецъ хорошихъ дней моей жизни. Свалилося съ головы моей саукёле **. Осталась я теперь скитаться безъ моего друга. Хорошая жизнь моя превратилась въ худую. У меня одно лишь желаніе: моего милаго друга еще разъ увидать. О, веселая прошлая моя жизнь! Что теперь я осталась, несчастная, отъ подругъ своихъ я отстала и сравнялась съ черною землей! Смерть не нынѣ явилась, и раньше много другихъ ушло въ вѣчность; нѣтъ пользы въ здѣшней жизни! Подумайте о загробной жизни: въ нее ушли первые пророки; вѣдь не остались же они живыми, ни цари, ни ханы и не умирали прежде сужденнаго рокомъ срока. Разъ уйдя въ вѣчность, никто возвратиться не можетъ. Пало на голову горе и лишило веселой, беззаботной жизни! Да будетъ тебѣ въ блаженствѣ будущая жизнь! Ранѣе общаго воскресенія мы увидѣться не можемъ. Создалъ тебя и душу твою всемогущій Богъ. Отецъ твой для радости женилъ тебя въ молодости. Теперь въ новомъ отавѣ *** нѣтъ хозяина, ты оставилъ меня несчастную.“

Приведемъ еще плачъ дочерей по отцѣ:

„Отецъ, ты былъ наше счастіе и достояніе, оставилъ ты насъ не показавшись въ одинъ день! О, жизнь ты наша, жизнь обманчивая, отняла ты у насъ отца! Дай ему въ той жизни царствіе небесное! Ты провелъ свою жизнь въ довольствѣ и былъ богатъ, имѣлъ четыре тысячи головъ скота. Въ ночное время для гостя ты былъ готовъ какъ днемъ. Ты былъ

---

* Герои любимой киргизской баллады.

** Саукёле—свадебный головной уборъ.

*** Отава—домъ.

такой человѣкъ что при тебѣ плачущее дитя успокоивалось. Безъ тебя крылья наши надломились и сталь наша изогнулась!"

Приведемъ также лѣснь о султанѣ Букеѣ, лѣтую его дочерью.

„Внимайте словамъ Пророка которыми я начну: всѣхъ живущихъ каждую минуту ожидаетъ смерть и отъ смерти никто не избавится. Султанъ отходя посылалъ большой поклонъ оставшемуся народу. Хотя онъ и ушелъ въ вѣчность, но добрыя и хорошія дѣла его не забудетъ народъ. Онъ былъ защита отъ вѣтра и всѣхъ несчастій. Стойбища его были въ горахъ Монрака и верховьяхъ Иртыша. Лѣтнія кочевки имѣлъ въ горахъ Саура и въ рощахъ привязывалъ кобылъ для доенія. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и имѣлъ переписку съ китайскимъ дзянь-дзюнемъ. Онъ былъ славенъ и хорошъ и добръ, онъ былъ какъ дульдуль и тюльпаръ, крылатые кони, какъ пташка перелетающая съ вѣтки на вѣтки. Я не хочу воспѣвать его, но слава его была велика! Двери его юрты были крашены алою краской, саба для кумыса изъ воловьихъ алыхъ кожъ, пискекъ * сабы былъ серебряный. Дай Богъ ему царствіе небесное! Онъ былъ какъ звѣзда на небѣ; онъ по себѣ оставилъ память и хорошую славу. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ обладалъ великимъ мужествомъ; непріятель предъ нимъ трепеталъ, и вотъ остались его лукъ и стрѣлы. Онъ на тысячу человѣкъ бросался одинъ и обращалъ ихъ въ бѣгство. Онъ много одержалъ побѣдъ надъ Калмыками и много рѣзалъ ихъ.

„Онъ память въ народѣ оставилъ хорошую, и слава его велика, я не хочу воспѣвать его, но онъ былъ хорошъ, добръ, славенъ, и слава его велика."

На третій день послѣ смерти, вдовѣ заплетаютъ волосы, колятъ скотъ и дѣлаютъ угощеніе всѣмъ сосѣдямъ и одноаульцамъ, но этимъ распоряжаются родственники; вдова не принимаетъ ни въ чемъ участія и не показывается изъ своей юрты. Цѣлый годъ она закрываетъ лицо; и наоборотъ невѣстка, новобрачная, которая по обычаю должна закрывать лицо въ теченіе перваго года замужества, если вскорѣ послѣ свадьбы и пріѣзда ея въ аулъ мужа умираетъ ея свекръ,— снимаетъ покрывало.

На седьмой день снова съѣзжается народъ. Тутъ раздаютъ

---

* *Пискекъ*—родъ большой мутовки которой взбалтываютъ кумысъ въ *сабѣ* (саба—огромный кожаный мѣшокъ сдѣланный въ формѣ бутылки, вмѣстимостью въ нѣсколько ведеръ). Верхушку пискека дѣлаютъ серебряную и очень богато украшаютъ.

лодарки лицамъ которыя обмывали тѣло покойнаго. Лучшія вещи даютъ обмывавшему голову, поливавшему воду даютъ шапку, салоги и ичиги. Изъ сала убитаго скота дѣлаютъ восемьдесятъ свѣтиленъ и каждый день жгутъ по двѣ. Жгутъ ихъ на закатѣ солнца въ передней части юрты, для чего на кошму ставятъ чашку обернувъ ее дномъ вверхъ; кладутъ на нее свѣтильни и зажигаютъ ихъ. При этомъ читается Коранъ муллой или какимъ-нибудь грамотнымъ человѣкомъ. Свѣтильни зажигаютъ сыновья; если сыновей нѣтъ, то въ такомъ только случаѣ жена. Въ настоящее время, говорили мнѣ Киргизы, муллы совѣтуютъ сожигать всѣ восемьдесятъ свѣтиленъ разомъ, вѣроятно съ тѣмъ разчетомъ чтобы заразъ отдѣлаться и получить что̀ слѣдуетъ за чтеніе Корана.

Но Киргизы все придерживаются прежняго обычая: когда всѣ свѣтильни сожгутъ, то-есть пройдетъ послѣ первыхъ семи дней со дня кончины еще сорокъ, дѣлаютъ большія поминки.

Затѣмъ, смотря по времени года и какъ кому удобнѣе, то-есть не въ зимнее время и не раннею весной, назначаютъ поминки съ *байгой*. За мѣсяцъ посылаютъ повѣстить всѣмъ кого желаютъ пригласить что въ такой-то день будутъ поминки и байга, и просятъ каждаго привести съ собой кумысъ Котлы для варенья мяса, блюда, ковры, занимаютъ на это время со всей волости. Кромѣ того, почти всѣ родные покойнаго привозятъ съ собой призы для байги чтобы помочь семейству умершаго сдѣлать байгу возможно богатою.

Первымъ призомъ бываютъ два ямба * или косякъ лошадей **. Призы назначаются девяти лошадямъ. Стеченіе народа на этихъ поминкахъ бываетъ громадное. Во время скачки пока ждутъ лошадей обратно *** борются *болваны* ****, лѣшіе и конные. Это одно изъ любимѣйшихъ увеселеній Киргизовъ. Зрители приходятъ въ неописанный восторгъ когда одинъ изъ борцовъ брошенъ на землю и побѣдитель перешагнетъ ему черезъ голову, или, если борются на коняхъ, сдернувъ противника съ коня протащитъ его за собой по землѣ вонъ изъ круга. Въ этомъ году султанъ Д. пришелъ

---

* *Ямбъ*—слитокъ въ четыре съ половиной фунта серебра.

** У очень богатыхъ призы бываютъ несравненно богаче: 200 лошадей и т. д.

*** Лошадей ведутъ обыкновенно верстъ 25—30 рысью и обратно пускаютъ въ карьеръ—ѣздоки мальчики лѣтъ отъ восьми до девяти.

**** *Болванъ*—(борецъ) испорченное слово пегельванъ.

въ такой восторгъ отъ силы и ловкости одного борца что тутъ же снялъ съ себя богатый халатъ и надѣлъ на него.

Пѣвцы, пѣвицы тоже съѣзжаются со всѣхъ сторонъ. Рѣдкіе ломинки съ байгой обходятся совершенно мирно,—то споры и ссоры за лошадей, то убьется или разобьется кто-нибудь во время скачки, то борцы озлобятся другъ на друга такъ что ихъ едва растащатъ. Въ настоящее время при такихъ байгахъ посылается присутствовать письмоводитель, Русскій, той волости гдѣ происходитъ байга. Нѣкоторые письмоводители живя постоянно въ волости умѣютъ пріобрѣсти до такой степени довѣріе Киргизовъ что вмѣшательства ихъ довольно чтобы привести къ соглашенію спорящихъ или сдержать какой-нибудь порывъ болѣе необузданныхъ.

Ровно черезъ годъ назначаютъ еще ломинки, во время которыхъ закалываютъ любимую лошадь покойнаго и переломляютъ его найзу.

Въ назначенный для того день сынъ, или если нѣтъ сына то ближайшій родственникъ, ловитъ эту лошадь въ табунѣ и приводитъ къ юртѣ покойнаго. Ее привязываютъ къ коновязи предъ дверью юрты и убираютъ въ лучшее сѣдло и сбрую, снова кладутъ, какъ при перекочевкахъ, платье, шапку и поясъ покойнаго. Въ этотъ день выставляютъ множество юртъ, колятъ много скота и лошадей, и варятъ мясо въ огромномъ количествѣ котловъ въ нѣсколько перемѣнъ, складывая приготовленное мясо въ юрты.

Собравшійся народъ размѣщается кругомъ убранной лошади, мулла читаетъ Коранъ, и сынъ или близкій родственникъ закалываетъ лошадь. Въ то время когда закалываютъ лошадь, вдова и дочери покойнаго подымаютъ плачъ и вой въ своей юртѣ,—въ прежнее, впрочемъ недавнее время царапали себѣ лица въ кровь. Затѣмъ мулла идетъ въ юрту гдѣ сложено мясо приготовленное для угощенія и читаетъ молитву на каждую голову, ногу и кожу.

Когда весь собравшійся народъ угостится мясомъ, идутъ въ юрту покойнаго; входитъ туда столько народа сколько можетъ помѣститься.

Вдова покойнаго подъ покрываломъ и его дочери сидятъ около его найзы. Преломленіе найзы предоставляется наиболѣе почетному лицу, большею частію старику. Онъ приводитъ съ собой джигита, который по приказанію его ее и преломляетъ.

Въ юртѣ приготовлена саба кумысу. Когда выльютъ кумысу, одинъ изъ молодыхъ людей начинаетъ прибирать и ставить на мѣсто снятое съ любимой лошади покойнаго парадное сѣдло, сбрую и его одежды бывшія на сѣдлѣ во время церемоніи; приглашенный переломить найзу садится на почетное мѣсто въ передней части юрты и приказываетъ джигиту ее переломить. Вдова и дочери схватившись за древко найзы ее защищаютъ и не даютъ. Въ это время нѣсколько молодыхъ людей становятся на коняхъ снаружи юрты и крѣпко держатъ верхушку найзы, джигитъ въ юртѣ схватываетъ древко по срединѣ и переламываетъ его; тутъ подымается такой вой, плачъ, стонъ что нельзя ни описать, ни вообразить. Затѣмъ всѣ мущины уходятъ изъ юрты и расходятся и разъѣзжаются по домамъ. Почетному лицу приглашенному для переломленія найзы и молодому человѣку убиравшему сѣдло и вещи даютъ подарки. Юрта вдовы наполняется женщинами, и долго, долго раздаются волли, плачъ и причитанья.

Муллушки или по-нашему памятники ставятъ двухъ родовъ: или каменныя ограды съ окнами, дверью и башенками по угламъ, или деревянные, совершенно схожіе съ обыкновеннымъ домомъ, только стѣны дѣлаютъ у богатыхъ рѣзныя узорчатыя, какъ у насъ садовыя рѣшетки. Въ каменныхъ оградахъ помѣщается по нѣскольку могилъ. На могилу мущины втыкаютъ или его переломленную найзу, или просто палку въ видѣ древка отъ найзы; иногда на нее надѣваютъ черепъ любимой лошади. На могилу женщины, баканъ, дѣвушки — уукъ съ арканомъ которымъ онъ привязывался къ кереге, на могилу ребенка—его колыбельку.

III. Уходъ за родильницей и новорожденнымъ.

При началѣ мукъ въ юрту родильницы собираются женщины со всего аула, ухаживаютъ за нею, водятъ поддерживая подъ руки, укладываютъ на подушки, и т. д.—При наступленіи послѣднихъ болей укрѣпляютъ баканъ въ чанаракъ, привязываютъ отъ него къ керегѣ широкую тесьму, которую и даютъ больной въ руки, съ тою же цѣлью какъ русскія акушерки своимъ паціенткамъ полотенца привязанныя къ кровати. Когда дѣло подходитъ къ развязкѣ, родильница стоя

на колѣняхъ держится за эту тесьму; двѣ женщины поддерживаютъ ее подъ руки, а самая сильная, обхвативъ ее около таліи руками, упирается колѣномъ ей въ поясницу, а руками надавливаетъ на животъ *. Послѣ разрѣшенія родильницѣ бинтуютъ животъ и укладываютъ на постель, въ подушки, въ полулежачемъ положеніе, но позволяютъ и лежать если она этого желаетъ, затѣмъ накрываютъ до живота курпѣ (шелковымъ стеганымъ одѣяломъ). Уложивъ родильницу, надъ ней протягиваютъ веревку на которой развѣшиваютъ священныя книги чтобъ оградить ее отъ шайтана. У самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ за неимѣніемъ такихъ книгъ обходятся и безъ этой церемоніи.

Женщины остаются въ юртѣ родильницы всю первую ночь послѣ родовъ; жгутъ свѣчи или ночникъ и не гасятъ огня въ очагѣ чтобы шайтанъ не пришелъ или не приключилась какая-нибудь болѣзнь.

Тотчасъ послѣ разрѣшенія колятъ барана (*кольджикой*), кладутъ въ котелъ правый окорокъ, печенку, курдюкъ, хребетъ и шею; остальное мясо убираютъ сырымъ и сожигаютъ въ теченіе первыхъ трехъ дней слѣдующихъ за родами.

Когда положенное въ котелъ мясо готово, созываютъ сосѣдей, объявляютъ имъ о рожденіи ребенка и раздаютъ женщинамъ мясо, безразлично кому какой достанется кусокъ, только шею отдаютъ всю той которая приняла ребенка.

Родильницу поятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней *сюрпой* (бульйонъ изъ баранины) густо посыпая его толченою корицей.

День слѣдующій за родами считается счастливымъ и, по словамъ разкащицъ, бываетъ очень весело,—весь день подаютъ собравшимся женщинамъ различную ѣду, угощаютъ какъ только могутъ. По прошествіи трехъ дней больная если въ силахъ встаетъ съ постели и идетъ зимой въ баню, лѣтомъ моется у себя въ юртѣ водой въ которой кипятятъ верескъ. Киргизская баня это та же юрта или деревянный срубъ съ грудой камней изображающихъ печь.

Послѣ бани ее тотчасъ поятъ сюрпой, затѣмъ снимаютъ протянутую надъ нею веревку со священными книгами, такъ какъ женщина считается уже чистою, она можетъ снова подавать мужу лицу, что̀ въ первые дни воспрещено.

---

* За эту операцію богатые дарятъ халатъ, бѣдные кто сколько можетъ.

Въ случаѣ несчастныхъ родовъ, выгоняютъ изъ юрты родильницы всѣхъ женщинъ, такъ какъ предполагается что между ними оказалась дурная и въ ней сидитъ шайтанъ. Въ юрту собираются одни мущины—около юрты весь аулъ; кричатъ, бьютъ по юртѣ нагайками, стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ нагайками около родильницы, бьютъ и родильницу, но, по словамъ разкащицъ, слегка, не больно. Призываютъ *даргера*, то-есть доктора лѣчащаго лѣкарствами, но чаще *баксу*. Бакса играетъ на кобызѣ, приводитъ себя въ иступленіе и въ этомъ состояніи лѣчитъ. Баксой бываютъ и женщины, но это рѣдкое явленіе. Принято въ очень серіозныхъ случаевъ приглашать двухъ баксовъ.

Церемонія эта производится слѣдующимъ образомъ: въ юртѣ гасятъ всѣ огни, кромѣ очага находящагося, какъ уже извѣстно, въ серединѣ юрты, больную кладутъ около очага; баксы одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи становятся на колѣни, ставятъ передъ собой свои кобызы * и тихо раскачиваясь начинаютъ подъ сурдиной водить смычкомъ по струнамъ, время отъ времени потрясая кобызъ, отъ чего всѣ навѣшанныя на немъ металлическія украшенія звенятъ; затѣмъ подъ звуки кобыза бакса начинаетъ напѣвать такимъ же чуть слышнымъ, вибрирующимъ голосомъ дикую неуловимую безконечную мелодію—нѣчто въ родѣ стоновъ эоловой арфы; отъ этой музыки и лѣнія, въ полутемной юртѣ и здоровымъ дѣлается жутко. Мало-по-малу лѣніе начинаетъ прерываться истеричными вздохами, всхлипываніями, хрипами; игра на кобызѣ то обрывается, то снова наполняетъ юрту вибрирующими, стонущими, замогильными звуками; но вотъ струны зазвучали рѣзче, хрипъ, истеричные стоны стали чаще прерывать лѣніе, громче и громче поднялась таже раздирающая мелодія—и вдругъ оборвалась. Бакса вскакиваетъ, бросаетъ кобызъ и съ закатившимися глазами, искаженнымъ лицомъ начинаетъ ходить кругомъ по юртѣ, повидимому въ совершенно-безсознательномъ состояніи, по временамъ ладаетъ на руки окружающихъ, снова подымается, хрипитъ, всхлипываетъ, кусаетъ себѣ руки, судорожно корчится, выпрыгиваетъ изъ юрты черезъ чанаракъ, схваты-

* *Кобызъ* имѣетъ форму громадной *мандолины* безъ верхней деки, трехструнный, играютъ на немъ смычкомъ. Онъ весь увѣшанъ металлическими украшеніями.

ваетъ зубами большой тюкъ и бросаетъ на другой конецъ юрты, хватаетъ горящія головни, и т. д., перечислить все что онъ выдѣлываетъ въ это время невозможно. Особенно баксы неистовствуютъ если ихъ два—они кусаются, бросаютъ другъ въ друга горящими головнями и до тѣхъ поръ бѣснуются пока слабѣйшій бакса не выбьется изъ силъ; между этими бѣснованіями идетъ и лѣченіе больной. Если родильница разрѣшится, но плацента не выходитъ, больную одѣваютъ въ замшевые чембары, сажаютъ джигиту на лошадь и онъ съ ней скачетъ по горамъ и долинамъ сопровождаемый всѣмъ ауломъ съ гиканьями и криками.

На вопросъ „что жь изъ этого происходитъ?“

— Когда ложетъ, когда и умретъ, спокойно отвѣчаютъ разкащицы.

Если послѣ этой операціи женщину привезутъ домой живою, но въ обморокѣ, бакса третъ ей лобъ руками, потомъ придерживая рукавомъ или тряпкой вытягиваетъ ей языкъ и даетъ пощечину „рукамъ по щакамъ“, говорили киргизки. Давая пощечину бакса приговариваетъ: „что ты дремлешь!“ „говори: благодарю тебя Господи.“

Затѣмъ бабка призываетъ кузнеца съ его инструментами, ставятъ наковальню около больной, раскаливаютъ желѣзо докрасна, бьютъ по наковальнѣ такъ что искры летятъ во всѣ стороны, кузнецъ суетъ ей въ лицо раскаленнымъ желѣзомъ, бакса приговариваетъ—„Ты не закрывай глаза, не дремли!“ Когда наконецъ больная придетъ въ себя и скажетъ требуемое баксой „Благодарю Господи“. Кузнецъ даетъ ей въ ротъ стальной или желѣзный напилокъ чтобъ она его держала зубами.

Родильницѣ затѣмъ даютъ въ теченіе семи дней пить сюрлу густо посыпанную порошкомъ составленнымъ изъ корицы, имбиря, сарбуги и джемджемиля (двухъ послѣднихъ кореньевъ я не знаю русскаго названія). Киргизы полагаютъ что эта лѣкарственная сюрпа производитъ испарину.

За лѣченье бакса и кузнецъ получаютъ богатые подарки.

Новорожденнаго ребенка первый разъ моютъ первою пѣной, снятою съ сюрпы варившагося въ котлѣ кольджикой, затѣмъ прикладываютъ къ пуповинѣ чернаго киргизскаго мыла (*сабынъ*), на него тонкій слой курдючнаго сала и забинтовываютъ.

Первые три дня послѣ родовъ мать не кормитъ сама ребенка, его кормитъ которая-нибудь изъ женщинъ аула имѣющая груднаго ребенка. Эти первые три дня новорожденный лежитъ въ нарочно ситомъ кошемномъ желобкѣ съ завязками, въ грубомъ видѣ—англійскомъ тюфячкѣ. Когда пуповина отпадетъ и заживетъ, ребенка моютъ теплою соленою водой, не обтирая завертываютъ въ лоскутокъ дабы и даютъ обсохнуть. Затѣмъ мажутъ мазью составленною изъ гвоздики, калгана и имбиря, стертыхъ съ растопленнымъ русскимъ масломъ. У богатыхъ Киргизовъ шьютъ дѣтямъ рубашки и одѣяльца, у бѣдныхъ завертываютъ прямо въ *джабагу* (верблюжій подшерстокъ свалявшійся въ войлокъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, весной его снимаютъ съ верблюда въ то время когда онъ линяетъ). Джабага нѣжна и мягка какъ пухъ. До шести недѣль, или пока онъ не перестанетъ цвѣсти, ребенка мажутъ ежедневно вышеописанною мазью и черезъ день моютъ теплою соленою водой.

На третій день происходитъ торжественное переложеніе ребенка въ зыбку. *

Торжество переложенія въ зыбку происходитъ такъ: колютъ барана и созываютъ всѣхъ одноаульцевъ, самая почетная женщина перекладываетъ младенца въ зыбку, а самый почетный мущина даетъ ему имя. Въ настоящее время у богатыхъ даетъ имя мулла, читая при этомъ молитву. Почетная особа даетъ имя какое ему взбредетъ на умъ; полала на глаза собачья чашка, онъ даетъ младенцу имя

---

* Киргизская зыбка плетется изъ тальника въ видѣ крошечной кроватки на ножкахъ, съ невысокими закраинами и прутомъ для полога; въ нее положена и прикрѣплена постелька изъ джабаги, схожая фасономъ съ англійскими тюфячками, но съ такимъ приспособленіемъ что зыбка и постелька всегда опрятны; приспособленіе это снимаютъ нѣсколько разъ въ день изъ зыбки и насыпаютъ известью. Положивъ малютку въ зыбку, женщина завертываетъ его въ постельку и припеленываетъ широкою тесьмой къ кроваткѣ, онъ лежитъ совершенно свободно и удобно, не рискуя никакимъ образомъ выпасть изъ зыбки; мать носитъ зыбку какъ мы носимъ корзинку держа какъ за ручку за прутъ служащій для полога. На лошади она совершенно удобно ставитъ зыбку передъ собой. Вслѣдствіе этого удобства носить зыбку Киргизки чрезвычайно рѣдко берутъ малютку на руки.

„Итъ-Айякъ“ (собачья чашка), „Джеманъ-Бала“ (дурной мальчикъ), „Кучукъ“ (щенокъ), „Джанъ-Тасъ“ (каменная душа). Иногда дѣвушку назовутъ „Айгыръ“ (жеребецъ), „Марджанъ“ (кораллъ) и т. д. Если новорожденный мальчикъ, то въ день положенія его въ зыбку дѣлаютъ небольшую байгу; пускаютъ на бѣгъ трехлѣтнихъ лошадей (*куналовъ*), разумѣется, происходитъ неизбѣжная на всѣхъ киргизскихъ празднествахъ борьба *болвановъ*; потѣхи ради борются и женщины, причемъ у нихъ слетаютъ джаулуки и прочія принадлежности туалета. Иногда устраиваютъ потѣшную байгу на которой вмѣсто лошадей пускаютъ бѣжать женщинъ; онѣ бѣгутъ четверть версты; призъ прибѣжавшей первою—аршинъ ситцу.

Киргизки-аристократки никогда не принимаютъ участія въ этихъ играхъ и присутствуютъ на нихъ только зрительницами.

Для перваго ребенка или у кого долго не было дѣтей дѣлаютъ байгу безразлично для мальчика или дѣвочки.

Когда ребенокъ начнетъ смѣятся, богатые люди снова дѣлаютъ празднество, то же самое когда онъ начнетъ ходить; послѣднее празднество называютъ *тусаунъ-теседы* (будутъ рѣзать луты). Ребенку связываютъ ноги шерстяною веревочкой, сканною нарочно въ двѣ разныя стороны, ставятъ къ его ногамъ чашечку съ какою-нибудь пищей; одна изъ почетныхъ женщинъ аула разрѣзаетъ ножомъ эти луты и выбрасываетъ ихъ изъ юрты; ей за это даютъ подарокъ *актыкъ*—лоскутокъ какой-нибудь матеріи. Послѣ этой церемоніи всѣхъ гостей угощаютъ мясомъ; послѣ угощенья читаютъ молитву (дѣлаютъ бату) и говорятъ ребенку пожеланія счастья, здоровья, богатства, долголѣтія и т. д. Затѣмъ расходятся по домамъ. Когда ребенку минетъ три года дѣлаютъ снова праздникъ и торжественно сажаютъ въ первый разъ на лошадь. Бѣдные дѣлаютъ эту церемонію и позднѣе, четырехъ и пятилѣтнимъ дѣтямъ, когда соберутся со средствами.

Въ назначенный для праздника день колятъ скотъ и созываютъ одноаульцевъ. Женщины приносятъ съ собой въ своихъ опояскахъ куртъ и иримчикъ входя бросаютъ ихъ въ переднюю часть юрты говоря: „Радуемся вашему празднику, радуйтесь и вы!“

Затѣмъ женщинъ помѣщаютъ въ отдѣльную отъ мущинъ юрту и угощаютъ; послѣ угощенья всѣ выходятъ изъ юртъ и начинается та же потѣшная байга что и при положеніи въ зыбку; послѣ байги мущины расходятся, остаются только женщины и одинъ мущина—самое почетное лицо аула.

Женщины идутъ къ юртѣ и выносятъ ребенка, отецъ и мать передаютъ его почетному старику, а тотъ сажаетъ ребенка джигиту на сѣдло. (Почетному лицу дарятъ при этомъ халатъ.) Джигитъ возитъ ребенка по аулу и всѣ ему дарятъ; кто *ашему* * (дѣтское сѣдло) кто подпругу, кто коня, кто курту, ирмчику, узду и т. д.

Послѣ этого на перекочевкахъ ребенокъ ѣдетъ уже не на одной лошади съ матерью, а отдѣльно.

Обыкновенно дѣлается такъ что ребенку назначаютъ жеребенка отъ любимой кобылы, родившагося на одномъ году съ нимъ; ихъ воспитываютъ чуть не вмѣстѣ, такъ что къ тому времени когда ребенка на него сажаютъ онъ совершенно выѣзжаный и ручной какъ комнатная собака.

На седьмомъ году надъ ребенкомъ дѣлаютъ обрядъ обрѣзанія; въ настоящее время его совершаетъ мулла гдѣ таковой есть, и бываетъ большой праздникъ; богатые даже колятъ кобылъ и дѣлаютъ большую байгу.

Къ больному ребенку призываютъ баксу или даргера, но бакса не бѣснуется при лѣченіи ребенка, а только тихо играетъ на кобызѣ. Въ случаѣ если у ребенка болѣзнь желудка, бакса сосетъ ему животикъ, иначе говоря, ставитъ сухія банки; жуетъ гвоздику или лукъ и спрыскиваетъ этимъ ребенка; дуетъ на него; требуетъ чтобы закололи чернаго барана и осердіемъ бьетъ больнаго, и т. д.

Даргеръ щупаетъ пульсъ прикладывая обѣ руки къ вискамъ больнаго и затѣмъ въ обѣихъ рукахъ предполагая что ребенокъ боленъ отъ молока матери, ей три дня ничего не даютъ ѣсть, а поятъ *кучелей* (nux vomica). Это лѣкарство приготовляютъ такъ: берутъ одинъ бобъ nucis vomicae, соскобливъ съ него кожицу кладутъ въ чайникъ и кипятятъ,

---

* Киргизское дѣтское сѣдло—арчакъ съ очень высокими луками, каждая изъ нихъ раздвоена и на выступающихъ концахъ круглыя отверстія въ которыя просовываютъ палочки, какъ въ нашихъ дѣтскихъ качеляхъ; вмѣсто стременъ глубокіе и широкіе мѣшки прикрѣпленные къ ленчикамъ, въ нихъ опускаютъ ножки малютки; палочки поддерживаютъ ребенка съ боковъ, высокія луки представляютъ опору спереди и сзади, и такимъ образомъ онъ сидитъ совершенно безопасно и упасть можетъ развѣ съ лошадью. Подушка на сѣдлѣ, чепракъ, стремена, мѣшки богато вышиваютъ шелками и гарусомъ.

затѣмъ бобъ вынимаютъ, прибавляютъ въ чайникъ ложку молока и пьютъ; это повторяютъ нѣсколько разъ въ день, но употребляютъ въ теченіе дня одинъ и тотъ же бобъ. Киргизки мнѣ говорили: „Чрезъ молоко матери лѣкарство проходитъ ребенку и ему дѣлается лучше."

Вотъ самыя употребительныя лѣкарства между Киргизами:

Бозбуга—имбирь.

Мозё—чернильный орѣшекъ; его сосутъ отъ хрипоты и кашля, тоже толкутъ въ порошокъ, мѣшаютъ съ жиромъ и принимаютъ отъ глистовъ по чайной ложкѣ утромъ и вечеромъ.

Арала (стручокъ который достаютъ изъ Ташкента, говорятъ будто туда привозятъ изъ Индіи); изъ стручка выбрасываютъ косточку, скоблютъ и завариваютъ какъ чай; даютъ отъ кашля и слабости груди. Прибавивъ туда три золотника александрійскаго листа даютъ въ простудѣ, ослѣ, горячкѣ, говорятъ что дѣйствуетъ какъ очень сильное потогонное.

Кумджемилъ—(калганъ) даютъ женщинамъ.

Сыръ—(киноварь) берутъ три золотника, растираютъ чтобы все блестящее исчезло, посыпаютъ кумысъ, взбалтываютъ два часа и пьютъ отъ простуды.

Санна—(александрійскій листъ).

Дорогая трава—(сальсапарель). Чтобы лѣчить этою травой устраиваютъ въ юртѣ или зимовкѣ шалашъ изъ кошмы въ который помѣщаютъ больнаго, въ теченіе семи дней почти ничего не даютъ ѣсть и поятъ настоемъ сальсапарели.

Ртуть по одному золотнику растираютъ съ жиромъ и въ такомъ видѣ принимаютъ.

Стручковый перецъ—кладутъ кусочками въ чай и пьютъ отъ удушья, кашля, простуды.

Медвѣжья желчь—высушивъ растираютъ въ порошокъ и пьютъ понемногу въ теплой водѣ отъ изжоги.

Беркутовая желчь густо растираютъ и мажутъ раны.

Кровь корсака и закопченную кошму—сжигаютъ въ лепелъ, мѣшаютъ съ землей и присыпаютъ раны чтобъ остановить кровь.

Ревень—(растущій въ долинѣ Иртыша и въ Алтаѣ) сушатъ, толкутъ въ порошокъ и присыпаютъ раны. То же дѣлаютъ и мелкимъ сахаромъ.

Крутая соленая вода — ею вспрыскиваютъ лузыри отъ ожога и потомъ залѣчиваютъ порошкомъ ревеня и сахаромъ.

Нашатырь—принимаютъ кусочками во многихъ болѣзняхъ, особенно отъ изжоги.

Ахъ-даре и *Джау-кызынъ* } Травы растущія въ Алтаѣ—мнѣ не умѣли или не хотѣли объяснить отчего ихъ употребляютъ.

Кызылъ-ча—трава употребляемая для изгнанія плода.

Лихорадку въ прежнее время лѣчили ивовою корой и *испугомъ*, то-есть столкнутъ неожиданно въ рѣку, выстрѣлятъ изъ ружья надъ ухомъ, посадятъ на цѣлую ночь въ старую провалившуюся могилу, и т. д.

Въ настоящее время большинство знаетъ *хину*.

Касторовое масло считается рѣдкимъ и дорогимъ лѣкарствомъ, но пьютъ его съ особенною вѣрой и даже удовольствіемъ.

Отъ чесотки 3 золотника ртути мѣшаютъ съ козлинымъ жиромъ, раздѣляютъ на 9 частей и принимаютъ 3 раза въ день.

Кучелю—(nux vomica) отъ кашля и колотья, берутъ $1^1/_2$ боба, мелко стругаютъ ножомъ и въ теченіе 6 дней принимаютъ въ сухомъ видѣ заливая сюрлой.

Канифоль—разводятъ теплою водой и лѣчатъ нарывы прикладывая на тряпкѣ.

Отъ укушенія змѣи — перетягиваютъ накрѣпко конскимъ волосомъ укушенную руку или ногу, дѣлаютъ на ранкѣ надрѣзъ и высасываютъ кровь.—или цѣлый муравейникъ сгребаютъ въ котелъ, наливаютъ немного водой, кипятятъ и прикладываютъ въ видѣ припарки. По словамъ Киргизовъ, это дѣйствуетъ превосходно.

Въ ноябрѣ дѣлаютъ забойку скота (*сугумъ*) для зимняго продовольствія. Богатые рѣжутъ до десяти лошадей, пятидесяти барановъ и двухъ-трехъ штукъ рогатаго скота, изрѣдка верблюда. Мясо рогатаго скота берегутъ мерзлымъ. Изъ лошадинаго мяса дѣлаютъ *казы* (копченое мясо въ родѣ колбасъ нѣсколькихъ сортовъ). Изъ баранины—*сюръ* (паленая баранина, какъ у насъ свинина; часть мяса приготовляютъ вяленымъ и копченымъ, часть мерзлымъ). Кровь лошадей употребляютъ на колбасы. Зимой питаются этимъ мясомъ и *кожсё*. *Кожсё* очень жидкая кашица изъ проса, пшена или ячменя, прибавляютъ туда кусочки курдючнаго сала или молока. Бѣдные питаются одною кожё даже безъ сала. Кирпичный чай во всеобщемъ употребленіи: у богатыхъ самовары, у бѣдныхъ мѣдные и чугунные чайники или просто варятъ въ казанахъ. Богатые пьютъ и байховый чай; къ чаю вмѣсто сахара, очень рѣдко употребляемаго

Киргизами, подаютъ медъ, *урюкъ* (сушеные абрикосы) и изюмъ; дѣлаютъ аладьи *куймакъ* (жидкое тѣсто изъ пшеничной муки приготовленное на молокѣ, его опускаютъ кусочками въ кипящее курдючное сало, жарятъ и ѣдятъ горячими). *Баурсаки* то же самое, получается только изъ крутаго тѣста, что̀ у насъ называютъ масляными орѣхами; ихъ заготовляютъ въ запасъ. Иногда пьютъ чай приправляя его русскимъ масломъ, прикусывая его кусочками какъ мы сахаръ или просто прибавляя въ казанъ. Бѣдные большею частью пьютъ чай безо всякихъ добавленій. Весной Киргизы питаются почти исключительно молокомъ, овечьимъ, козьимъ, коровьимъ (у бѣдныхъ разбавляютъ молоко водой), его кипятятъ въ казанахъ, прибавляя туда просяную крупу, иногда ячмень и пшеницу. При пріѣздѣ гостей колятъ барана * или подаютъ мясо изъ оставшагося отъ зимняго запаса.

По мѣрѣ того какъ скотъ начинаетъ весной поправляться на подножномъ корму, у Киргизовъ изобиліе молока; тогда приготовляютъ *айранъ* (простоквашу) *катыкъ* (варенецъ) *иримчикъ* (изъ козьяго и овечьяго цѣльнаго молока дѣлаютъ творогъ—на маломъ огнѣ топятъ докрасна, затѣмъ изъ него дѣлаютъ столбики отжимая ихъ руками). Свѣжій онъ очень вкусенъ. Въ запасъ его сушатъ. *Куртъ* смѣшаное овечье, козье, верблюжье и коровье молоко, варятъ и заквашиваютъ *айраномъ*; въ получившійся творогъ прибавляютъ муки, размѣшиваютъ и отжимаютъ столбики только крупнѣе чѣмъ иримчикъ и сушатъ. *Куртъ* заготовляютъ въ большемъ количествѣ. Въ лѣтнее время, отправляясь въ дальнюю поѣздку, Киргизъ спускаетъ нѣсколько столбиковъ въ турсукъ съ водой (*турсукъ* бутыль изъ верблюжьей кожи, съ деревянною пробкой, ее приторачиваютъ къ сѣдлу); получается весьма прохладительное, кислое, питательное питье, имѣющее еще цѣлебное свойство въ случаѣ дисентеріи.

---

* Изъ барана приготовляютъ *вареное мясо* и *сюрпу* (бульйонъ). Къ мясу подаютъ въ чашкѣ круто посоленную сюрпу, называемую *туздукъ*. Въ нее макаютъ куски мяса. *Тюстюкъ*—грудина вырѣзанная съ шерстью, ее палятъ и поджариваютъ на палочкѣ надъ огнемъ поливая туздукомъ. *Шашлыкъ*—куски мяса и сала поперемѣнно нанизанные на палочки, тоже поджариваютъ надъ огнемъ. *Куурдакъ* или *бишбармакъ*—мясо, сало, печенку и почки мелко крошатъ и жарятъ въ маленькомъ котелкѣ. У очень богатыхъ дѣлаютъ татарскія и сартскія кушенья: *пилавъ*, *кашемиръ-сюрпа* и *манта*.

Кобылъ начинаютъ доить съ половины мая; съ этого же времени приготовляютъ кумысъ, эту любимую и главную пищу Киргизовъ. Доятъ кобылъ въ горахъ до конца августа, въ степи до конца сентября. У богатыхъ имѣющихъ возможность держать кобылъ на сѣнѣ ихъ доятъ и зимой; но зимній кумысъ далеко не такъ хорошъ какъ лѣтній, и сравнительно его очень небольшое количество.

Съ сентября и до ноября питаются опять кожё: у богатыхъ съ молокомъ и мясомъ, у бѣдныхъ иногда съ молокомъ, съ саломъ, чаще просто изъ одной крупы. Просо, ячмень, пшеницу, овесъ Киргизы большею частью имѣютъ со своихъ пашенъ. Уборка пашенъ смотря по лѣту со второй половины іюля до глубокой осени. Въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, въ трехъ волостяхъ нѣтъ почти кибитки которая бы не имѣла пашенъ. Въ остальныхъ волостяхъ производится менѣе распашки; сѣютъ преимущественно ячмень. Обдираютъ крупу сами Киргизки въ большихъ деревянныхъ стулахъ и на ручныхъ мельницахъ. Рыбу, птицъ, овощи, ягоды Киргизы употребляютъ въ пищу неохотно, какъ рѣдкое исключеніе. Рыбу они заготовляютъ безъ соли, вяленую на солнцѣ. Домашнихъ птицъ не держатъ. Огородничествомъ не занимаются.

IV. Киргизскія пословицы и поговорки.

Осмотри чашку и ѣшь пищу. Узнай мать и сватай дочь.

Острый ножъ вреденъ для ноженъ, а ложныя слова вредны для души.

Человѣка краситъ тряпка, а дерево листья.

У кого двери худы, къ тому въ юрту не ходи, у кого мать худая, у того дочь не бери.

Не лей въ сосудъ который нельзя наполнить и не давай тому кого нельзя насытить.

Сорокъ поклоновъ тому у кого разъ отвѣдалъ пищи.

У одной женщины было сорокъ вьюковъ выдумокъ и хитрости.

У кого есть совѣсть, у того есть и благочестіе.

Неумѣющаго цѣнить лошадь научитъ необходимость ходить пѣшкомъ, неумѣющаго цѣнить пищу—голодъ научитъ.

Если ласково говорить, то и змѣя выйдетъ изъ своей норы, а если говорить строго, такъ и кефиръ оставитъ свою вѣру.

У кого рука сильна, у того и войлочный колъ войдетъ въ землю.

Коблуками высока и румянами красна.

Горы не безъ волковъ, волость не безъ воровъ.

Не хули лошадь на которую въ первый разъ сѣлъ, не хули товарища съ которымъ въ первый разъ сошелся.

Не называй лѣнивою лошадь на которую въ первый разъ сѣлъ. Если окажется бѣгунцомъ (скаковою призовою лошадью) каково тебѣ будетъ?

Отецъ о сынѣ заботится, а мать о дочери.

Не надѣйся на верховую лошадь и свою жену.

Печеное будешь ѣсть — ѣшь до сыта; побои будешь терпѣть—терли до смерти.

Кто многое желаетъ проглотить, тотъ сѣно проглотитъ.

Будешь товарищемъ хорошаго человѣка, достигнешь желаемаго, будешь товарищемъ дурнаго—получишь стыдъ.

Если воспитаешь худаго человѣка—носъ и ротъ твой будутъ въ крови; воспитаешь худую скотину—носъ и ротъ твой будутъ въ жиру.

На чьей землѣ поживешь той и воды полье шь.

Человѣкъ имѣющій терпѣніе — достигнетъ желаемаго.

Тихо ѣдущая телѣга догонитъ зайца.

Если разчитываешь прожить до полудня — приласи мяса до вечера.

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись.

Пусть лучше жена будетъ обезславлена, чѣмъ салоги тѣсны.

Дурной человѣкъ своей вины не сознаетъ, а на людей сердится.

Имѣя хорошую жену и дрова будешь въ домѣ имѣть, а худую—то въ пріѣздъ твоихъ ровестниковъ и товарищей найдешь дома одинъ дымъ.

Гляди на верхушку высокой горы, но къ подошвѣ ея не ходи. Знай имя великаго человѣка, но къ нему не приближайся.

Огонь сумѣетъ разжечь кто приласалъ дрова, а скотъ сумѣетъ ласти кто пріобрѣлъ его.

Если дѣло твое правое, то Богъ тебѣ помощникъ.

У кого кумысъ, у того и веселье.

Хворый не умираетъ, а умираетъ кто много долженъ.

Если женщина будетъ прихорашиваться, то ей и казана не сварить.

Не скидай салогъ не видавъ воды.

Не рожденный отъ тебя не можетъ быть тебѣ сыномъ — не купленный тобой не можетъ быть тебѣ рабомъ.

Когда нѣтъ бія, то и его рабъ занимаетъ его мѣсто.

Когда нѣтъ собаки на дворѣ, то и свинья лаетъ.

У имѣющаго лошадь есть и шуба.

Лисица по шерсти, человѣкъ по языку.

Пища для человѣка—сила, лошадь—крылья.

Хорошая лошадь отъ смерти не избавитъ, а отъ несчастья спасетъ.

Бѣдность хороша, еслибы пища была готовая.

Лучше при свѣтѣ сіять чѣмъ въ темнотѣ трястись.

Живая мышь дороже мертваго льва.

Хорошій хорошему знаетъ цѣну, а худому гдѣ же знать что дорого, что дешево.

Дающій получитъ, сѣющій будетъ жать.

Чѣмъ кланяться дурному, лучше заботиться о своей душѣ.

Желудокъ сироты въ сорокъ рядовъ.

Если дитя не плачетъ, развѣ даютъ ему сосать грудь?

II.